

О стихотвореніяхъ Державина.

I.

Державинъ давно уже принадлежить не столько русской литературѣ, сколько ея исторіи. Въ свое время онъ пользовался очень громкою славой; современники именовали его «бардомъ», «Зевсомъ-громовержцемъ», «великимъ», «бесмертнымъ», называли «писателемъ всѣхъ вѣковъ»; болѣе полувѣка Державинъ безусловно царилъ въ области русской поэзіи; со смерти Ломоносова до появленія вполнѣ зрѣлыхъ произведеній Жуковскаго никто не писалъ такихъ русскихъ стиховъ, какъ Державинъ; въ учебныхъ заведеніяхъ «читали Державина, разбирали Державина, хвалили Державина»; Державинъ и самъ полагалъ, что ни въ одномъ родѣ поетического творчества онъ не долженъ уступать первенства никому изъ современниковъ: прямо изъ соревнованія Озерову началъ онъ писать драматическія произведенія (II, 367), онъ писалъ и басни, потому что пользовались успѣхомъ басни Хемницера, онъ начиналъ и героическую поэму «Пожарскій», потому что писалъ поэмы Херасковъ (II, 5, 8, 367; III, 93)¹.

Но смѣнилось одно поколѣніе,—и внуки современниковъ столь прославленного въ свое время поэта знали о немъ почти только то, что это былъ лирикъ, по преимуществу пѣвецъ Екатерины, авторъ нѣсколькихъ хорошихъ одъ—«Фелица», «Водопадъ», «Богъ»; они помнили первыя строфы этихъ произведеній, да, можетъ быть, повторяли иногда, полушутя, нѣ-

¹ Всѣ ссылки сдѣланы на академическое (второе) изданіе «Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота». Въ этомъ изданії почти безупречномъ, во всякомъ случаѣ,—вмѣстѣ съ изданіемъ сочиненій Батюшкова подъ редакціей Л. Н. Майкова и В. И. Сайтова—лучшемъ, чѣмъ какое либо другое изданіе сочиненій какого либо русскаго писателя, собрано почти все, что нужно для сужденій о Державинѣ и его дѣятельности. Только два-три замѣчанія сдѣлано ниже не на основаніи материаловъ, соединенныхъ въ этомъ изданіи.

которые прозаизмы изъ его громкихъ лирическихъ произведеній, каковы, напр.,

Поэзія тебѣ любезна,
Пріятна, сладостна, полезна,
Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ,

или

И, словомъ, тотъ хотѣлъ арбуза,
А тотъ—соленыхъ огурцовъ.

Такое отношеніе къ Державину совершенно естественно: истинно великаго, вѣчнаго, онъ ничего не создалъ. Но тѣмъ не менѣе, онъ былъ не только замѣчательнѣйшимъ поэтомъ своего времени, но и дѣйствительно крупнымъ поэтомъ, и его произведенія, во многихъ отношеніяхъ представляютъ большой интересъ и теперь¹.

Славу, какою въ свое время пользовался Державинъ, доставили ему и поэтическія достоинства его стихотвореній и самое ихъ содержаніе, такъ какъ онъ явился выразителемъ идей и взглядовъ своего времени—именно въ той мѣрѣ, которая даетъ писателю известность широкую и громкую, хотя и не долговѣчную.

Въ XVIII ст., въ этомъ вѣкѣ просвѣщенія, болѣе чѣмъ въ какое либо другое время люди были горды своими успѣхами въ умственной сферѣ, считали себя достигшими въ ней такой высоты, которая никогда не была и не будетъ превзойдена. Ихъ міросозерцаніе было, поэому, оптимистическое; они были готовы спокойно уживаться съ существовавшимъ положеніемъ вещей; имъ представлялось не подлежащимъ, вообще говоря, сомнѣнію, что жизнь и всѣ житейскія отношенія и невозможно устроить лучше, чѣмъ они сложились; лишь немногіе мечтали объ улучшеніяхъ, но и тѣ полагали, что улучшенія эти по существу не крушны и не настоящельны, и что все нужное безъ труда осуществится,

1) Самая замѣчательная изъ написанного до сихъ поръ статья о Державинѣ, статья принадлежитъ Бѣлинскому; она появилась еще въ 1843 г., когда было неизвѣстно еще многое изъ написанного Державинымъ; кромѣ того, критикъ не коснулся тамъ иѣкоторыхъ вопросовъ, выдвигаемыхъ въ настоящей замѣткѣ.

какъ только займутся этимъ просвѣщенные и разумные люди. Такое настроеніе у насъ проявлялось особенно ярко, потому что находило себѣ опору въ старинной религіозности русского общества: людямъ, привыкшимъ вѣрить, что и ихъ судьба, и судьбы міра руководимы промысломъ Божиимъ, непосредственнымъ проявленіемъ воли Божией, легко было усвоить тотъ, довольно поверхностный, философствующій оптимизмъ, который провозглашалъ, что въ мірѣ все идетъ въ стройномъ порядкѣ, по определенному плану и направлено къ общему благу, къ чему — и по теологическимъ ученіямъ — ведутся міръ и человѣчество промысломъ Божиимъ.

Оптимизмъ естественно связанъ съ восхищеніемъ и своимъ временемъ, и своимъ государствомъ и обществомъ; все это было широко распространено въ современномъ Державину обществѣ, и онъ самъ писалъ именно въ такомъ духѣ. Онъ охотно вращался въ кругу вопросовъ религіозныхъ, занимавшихъ тогда видное мѣсто въ интересахъ русского общества, онъ много перелагалъ изъ Псалтири, которая была у насъ, по крайней мѣрѣ до середины XVIII в. наиболѣе читаемою книгою; онъ восхищался современною ему русскою дѣйствительностью, и произведенія его тѣмъ лучше, чѣмъ больше сюжетъ давалъ поводъ восхищеніе это проявить, а что это чувство было у поэта вполнѣ искренно — доказывается тѣмъ, что восторженность тона у Державина ясно понижается по мѣрѣ того, какъ события конца вѣка колебали прежнюю безусловную вѣру въ торжественное и блестящее движение человѣчества къ водворенію на землѣ золотого вѣка. Такихъ темъ, которыя были обществу чужды или непріятны, Державинъ совсѣмъ не касался, никогда не говорилъ ничего такого, что давало бы читателямъ поводъ спрашивать себя: «о чёмъ поетъ? чому насъ учить? зачѣмъ сердца волнуетъ, мучить?» Если онъ иногда высказывалъ и укоры, то обращать ихъ къ отдельнымъ лицамъ, и самые недостатки, которыхъ касался, выдвигалъ не какъ иѣчто общераспространенное, а какъ частное, исключительное, и могущее легко быть устранимымъ. Его поэзія представлялась современникамъ даже возвышенной и, вмѣстѣ съ тѣмъ, совершенно понятною и усвоимою какъ разъ путемъ того небольшого умственного напряженія, которымъ и доставляется наслажденіе. И Державину, и его современникамъ представлялось его правомъ на бессмертіе, не только на славу, что онъ первый

. дерзнулъ въ забавномъ русскомъ слогѣ
О добродѣтеляхъ Фелицы возгласить,
Въ сердечной простотѣ бесѣдоватъ о Богѣ
И истину царямъ съ улыбкой говорить,—

только потомъ уже было понятно, что такая дѣятельность заслуживаетъ любезную доброжелательность современниковъ, но что прочная слава является наградою лишь тѣхъ, кто дѣйствуютъ несравненно смѣлѣ и прямѣ и «въ свой жестокій вѣкъ» навлекаютъ на себя лишь гнѣвъ и ненависть...

Раздѣляя, во всѣхъ существенныхъ чертахъ, міросозерцаніе современниковъ, Державинъ не превосходилъ большинства ихъ своимъ образованіемъ и широтою своихъ умственныхъ интересовъ. Люди XVIII в., при своихъ очень не высокихъ въ этомъ отношеніи требованіяхъ, находили, что талантъ Державина «усовершенствованъ высшимъ образованіемъ» (I, 113), — хотя возможно, что этому выраженію они придавали и не совсѣмъ тотъ смыслъ, какой придается ему теперь, — но въ дѣйствительности образованность Державина была очень умѣренною. При тогдашней бѣдности русской литературы, особенно научной, знаніе иностранныхъ языковъ было весьма важно, а изъ нихъ Державинъ зналъ нѣсколько только нѣмецкій, другими же совершенно не владѣлъ: Державинъ перевѣль сравнительно много, и съ разныхъ языковъ, но при этомъ пользовался или уже существовавшими ихъ переводами на русскій языкъ, только передѣлывая ихъ, или специально сдѣланными для него дословными, подстрочными переводами; такъ перевodилъ онъ и съ греческаго, и съ латинскаго, и съ итальянскаго и даже съ французскаго, и, конечно, не сталъ бы къ такому способу прибегать, если бы зналъ иностранные языки (I, 129, 183; III, 76 и др.). Иные полагали, что свидѣтельствуетъ о широкой начитанности Державина знакомство его съ разными книгами, о которыхъ Державинъ упоминаетъ въ разныхъ произведеніяхъ. Но, во-первыхъ, хотя Державинъ, очевидно, скорѣе искалъ, чѣмъ избѣгалъ случаевъ проявить свое знакомство съ литературою, такихъ книгъ, съ которыми знакомство его несомнѣнно, очень немного, не наберется ихъ и двухъ десятковъ; во вторыхъ, всегда — за исключеніемъ одного только, кажется, случая, — Державинъ ссылается на книги, вышедшия

очень незадолго до написанія имъ того произведенія, изъ котораго это его знакомство съ ними видно; такъ, напр., книги, вышедшия на русскомъ языкѣ въ 1788 и 1790 г.г., отражаются въ одахъ «Памятникъ герою» и «Водопадъ», написанныхъ въ 1791 г. Если бы, наряду съ видимымъ отраженіемъ сочиненій, недавно вышедшихъ, выступали у Державина доказательства знакомства его и со многими другими книгами, фактъ такой хронологической близости ознакомленія съ литературнымъ источникомъ и отраженія этого знакомства не имѣлъ бы особаго значенія; но когда очевидно, что пріобрѣтенные знанія немедленно и выдвигаются, то отсутствіе слѣдовъ другихъ, давно уже усвоенныхъ свѣдѣній, заставляетъ думать, что и въ дѣйствительности ихъ было не много. Есть, наконецъ, и прямые доказательства, что познанія Державина не были ни широки, ни глубоки. Не свидѣтельствуетъ, о его начитанности и образованности то обстоятельство, что источникомъ свѣдѣній о норманскомъ мірѣ ему служили сочиненія Екатерины (II, 169). Когда въ одѣ «На коварство» Державинъ говоритъ (I, 231)

Пусть Катилины, Бедемары,
И Мирабо, и Лафайеть,
Готовы скрытые удары,
Крамолами колеблють свѣтъ,—

то, сопоставляя Катилину съ Бедемаромъ,—о которомъ онъ, по весьма правдоподобной догадкѣ акад. Грота, почерпнулъ свѣдѣнія изъ книги Сень-Реала «Заговоръ испанцевъ противъ Венеціанской республики» (напечатано въ русскомъ переводѣ въ 1774 г.) — онъ только даетъ поводъ думать, что оба эти историческія лица были ему извѣстны одншаково, и именно очень мало: иначе онъ почувствовалъ бы что имя Бедемара почти никому ничего не говорить, ибо на тысячу человѣкъ, которые о Катилинѣ хоть слыхали, навѣрно не найдется и двухъ, для которыхъ имя Бедемара не было бы полною новинкою. На такое же заключеніе наводятъ сопоставленія иѣкоего Буарозѣ съ Деціемъ и Куріемъ, или Бэкона—съ Мазепой (I, 239, II, 92). Немало у Державина и прямыхъ ошибокъ какъ въ исторіи, такъ и въ миѳологіи, къ которой онъ обращался, вообще говоря, очень охотно. Такъ, напр., онъ

полагалъ, что крестовыми походами назывались тѣ, которые предпринимались испанцами противъ мавровъ, онъ заставлялъ Іоанна Грознаго наблюдать Казань въ зрительную трубу; только при послѣдней обработкѣ оды «На взятіе Варшавы» онъ узналъ, что слово «циникъ», которое онъ тутъ употребилъ, было, въ примѣненіи къ Суворову, имѣть «нѣсколько зазорное значеніе» и происходитъ отъ греческаго слова, обозначающаго собаку; онъ путалъ, повидимому, Лицей въ Аениахъ и область Ликію, называлъ Гіерона сиракузскаго Хирономъ, едва ли не смѣшивая его съ кентавромъ Хирономъ, не зналъ имени богини плодородія, пеликана смѣшивалъ съ аистомъ, говорилъ «призматическая пирамида», и т. п. (II, 33, 63; III, 532, 534; IV, 535; VII, 39, 622 и др.); подобнаго рода курьезовъ можно встрѣтить множество въ «Объясненіяхъ», которыхъ составлялъ Державинъ къ своимъ произведеніямъ и предполагалъ напечатать (III, 471—610). Наконецъ, нѣсколько разъ Державинъ и самъ высказывался, что не имѣлъ ни большихъ знаній, ни случая обработать свой талантъ; такъ, напр., въ стихотвореніи, обращенномъ къ Тончи, писавшему его портретъ, онъ говоритъ, что въ поэтической своей дѣятельности онъ «шелъ, природой лишь водимъ» (II, 252), а въ одно частное письмо вставилъ относительно себя такое четверостишие:

Кто велъ его на Геликонъ
И направлялъ его шаги?
Не школъ витийственныхъ содомъ,
Природа, нужда и враги (II, 257)..

Вѣрную оценку своей литературной дѣятельности и опредѣленіе круга идей, въ какомъ она вращалась, далъ Державинъ въ стихотвореніе «Признаніе» (1807, II, 414):

На умѣль я притворяться,
На святого походить,
Важнымъ саномъ надуваться
И философа братъ видѣ;
Я любилъ чистосердечье,
Думалъ нравиться лишь имъ,
Умъ и сердце человѣчье

Были гениемъ моимъ.
 Если я блисталъ восторгомъ —
 Съ струнъ моихъ огонь летѣлъ,
 Не собой блисталъ я, Богомъ,
 Внѣ себя я Бога пѣль.
 Если звуки посвящались
 Лиры моей царямъ —
 Добродѣтельми казались
 Мнѣ они равны богамъ.
 Если за побѣды громки
 Я вѣнцы сплеталъ царямъ —
 Думалъ перелить въ потомки
 Души ихъ и ихъ дѣтямъ.
 Если гдѣ вельможамъ властнымъ
 Смѣль я правду брякнуть всухъ —
 Мнилъ быть сердцемъ беспристрастнымъ
 Имъ, царю, отчизнѣ другъ.
 Если-жъ я и суетою
 Самъ былъ сердца ослѣпленъ,
 Признаюся, красотою
 Бывъ плѣненнымъ, пѣль и женъ.
 Словомъ, жегъ любви коль пламень,
 Падаль я, вставалъ въ мой вѣкъ —
 Брось, мудрецъ, на гробъ мой камень,
 Если ты не человѣкъ.

Въ отношеніи къ поэтической своей дѣятельности у Державина, впрочемъ, замѣчается нѣкоторая двойственность: изъ «Записокъ» его видно, что всего болѣе онъ цѣнилъ то высокое служебное положеніе, котораго достигъ, а въ многихъ стихотвореніяхъ онъ говорить о своемъ особомъ значеніи какъ поэта. Такъ, еще въ 1788 г., стихотвореніе «На смерть графини Румянцевой» онъ закончилъ такою строфою, не имѣюще большой внутренней связи со всемъ предыдущимъ и присоединенною, повидимому, лишь для того, чтобы высказать общее положеніе:

Терпи! Самсонъ сотреть льву зубы,
 А Навинъ помрачить луну,
 Румянцевъ молнии дхнеть сугубы,
 Екатерина—тишину;
 Меня-жъ ничто вредить не можетъ,
 Я злобу твердостью сотру;
 Враговъ моихъ червь кости сложетъ,
 А я пійтъ — и не умру! (I, 158);

Въ 1796 г. Державинъ перевель изъ Горация «Памятникъ», очевидно, примѣняя его къ себѣ, а въ 1808 г. написалъ, въ подражаніе Горацию же, «Лебедя», гдѣ между прочимъ, говорить, что онъ, какъ поэтъ и любимецъ музъ, «другимъ вельможамъ не равенъ», что онъ «оставить подъ собою блескъ царствъ» и будетъ «самой смертью предпочтень».

Нелишнее еще замѣтить, что Державинъ былъ несвободенъ отъ общаго многимъ писателямъ неумѣнья правильно опѣнивать сравнительное достоинство своихъ произведеній. Онъ, напр., особенно цѣнилъ въ своей одѣ «Безсмертіе души» слѣдующіе стихи:

Какъ червь, оставя паутину
 И бабочки взявъ новый видъ,
 Въ лазурну воздуха равнину
 На крыльяхъ блещущихъ летить,
 Въ прекрасномъ веселясь убранствѣ,
 Съ цветовъ садится на цветы,—
 Такъ и душа въ небесь пространствѣ
 Не будешь ли безсмертна ты?

Хотя что же особеннаго въ самой картинѣ, рисуемой здѣсь, не говоря уже о томъ, что сравненіе, «безсмертія» души съ «красотою» бабочки не выдерживаетъ критики. Въ послѣдніе годы своей жизни Державинъ оказывалъ особенное предпочтеніе къ своему стихотворенію «Аристиппова бания», (III, 63—66), произведенію, положительно, ничѣмъ не замѣчательному. Этимъ же свойствомъ, которое у Державина достигало размѣровъ недостатка, объясняется то, что неоднократно опять возвращался

къ темамъ, уже ранѣе имъ разработаннымъ, и всегда, неизмѣнно, позднѣйшія обработки оказывались по поэтическому своему достоинству много ниже первоначальной. Такъ, послѣ того, какъ въ 1784 г. Державинъ написалъ свою великолѣпную оду «Богъ», ему положительно не слѣдовало болѣе касаться этой темы, потому что лучшаго онъ написать, конечно, не могъ, — но въ 1785 — 1796 гг. онъ написалъ «Безсмертіе души», въ 1800 перевелъ «Гимнъ Богу» Клеанта, а въ 1810 написалъ оду «Истина»; все эти произведенія по сюжету, по идеѣ, а отчасти и по образамъ приближаются къ одѣ «Богъ»; въ одѣ «Истина» нѣкоторыя строфы являются какъ бы перифразомъ частей первой, знаменитой оды, но по поэтическимъ своимъ достоинствамъ все они неизмѣримо ей уступаютъ и славъ автора, наносять скорѣе нѣкоторый ущербъ, чѣмъ прибавляютъ что нибудь; ниже, въ другой связи, указанъ будетъ наиболѣе яркій примѣръ неудачной переработки уже написаннаго, здѣсь же довольно сказать, что въ этомъ отношеніи любопытно сравнить пьесу «Скромность», переведенную Державинымъ изъ Метастазіо въ 1791 г., и пьесу «Незабудка» написанную въ 1809 г. (I, 317 и III, 8), да еще можно упомянуть, какъ образчикъ неумѣнья Державина цѣнить поэтическія достоинства, что онъ далъ слѣдующій отзывъ о Шиллерѣ:

Кто ни единой мысли мнѣ
Въ душѣ огнемъ не печатлѣть
И такъ слова, какъ на гумнѣ
Крестьянинъ въ вѣтъ мякину вѣтъ, —
Тотъ скученъ, холоденъ поэтъ:
Блистаетъ пыль, а зеренъ нѣть, —

и это была не случайно сорвавшаяся эпиграмма, а отзывъ въ письмѣ, гдѣ Державинъ разсуждалъ о поэзіи Шиллера, и этотъ отзывъ онъ перенесъ въ чистовую тетрадь, куда помѣщалъ то, что готовилъ къ печати, озаглавивъ его: «На холоднаго стихотворца» (III, 388 — 389).

То же отсутствіе литературнаго вкуса увлекло Державина на путь драматического творчества: сначала, въ 80-хъ и 90-хъ годахъ XVIII в., онъ написалъ нѣсколько прологовъ для разныхъ торжествъ, а въ XIX в.

цѣлый рядъ пьесъ: тутъ и трагедія — «Евираксія», «Темный», «Грозный», «Иродъ и Маріамна» — послѣдняя на сюжетъ, предложенный для соисканія преміи Россійскою Академіей, — тутъ и «Дурочка умнѣе умныхъ», народная опера и др. Всѣхъ этихъ плодовъ Державинской музы можно совершенно не касаться, хотя «Иродъ» и былъувѣчанъ академическою преміей, что, скорѣе наносить безславіе Академіи, чѣмъ даетъ славу Державину. Драматическій родъ поэзіи совершенно не соотвѣтствовалъ таланту Державина: его сила въ лирикѣ, а не въ изображеніи характеровъ и дѣйствія; пьесы всегда выходили у него оѣ высшей степени неестественны, натянуты, скучны; въ нихъ нѣть ни капли поэзіи; самый ихъ языкъ не можетъ быть и сравниваемъ съ языкомъ стихотвореній Державина; останавливаться на нихъ сколько нибудь подробнѣе — значило бы просто злоупотреблять временемъ и терпѣніемъ читателя.

II.

Державинъ оставилъ всего до 620 стихотвореній, считая въ томъ числѣ не менѣе 200 совершенно мелкихъ произведеній, иногда въ 4, и даже въ двѣ строки — разныxъ надписей къ портретамъ, эпитафій, эпиграммъ, шутливыхъ экспромитовъ и т. д.; эти послѣднія могутъ быть оставлены въ сторонѣ, такъ какъ за двумя-тремя исключеніями не представляютъ ничего значительнаго; остальныя могутъ быть раздѣлены на такія пять группъ: стихотворенія, рисующія внутреннюю душевную жизнь; стихотворенія, имѣющія ближайшее отношеніе къ лицамъ царствующаго дома; стихотворенія, вызванныя разными событиями русской общественной жизни; затѣмъ произведенія серьезнаго — этическаго и частью богословскаго — содержанія, и, наконецъ, бытоописательныя.

Характерно для исторіи русской культуры, что Державинъ, самый значительный изъ русскихъ поэтовъ XVIII в. посвящалъ свое творчество преимущественно изложенію мыслей и разсужденій, или изображенію общественныхъ отношеній, и уже гораздо менѣе изображенію внутренней своей жизни, чувствъ и движеній сердечныхъ, причемъ произведенія такого содержанія занимаютъ въ его творчествѣ далеко не первое мѣсто и по значенію своему и по достоинствамъ. Всего у Державина около 50 оригинальныхъ

произведеній, имѣющихъ предметомъ своимъ такія темы, какія обыкновенно занимаютъ поэтовъ всего болѣе; таковы: «Объявленіе любви», «Пламидъ», «Всемилъ», «Нинъ», «Пени» — это стихотворенія, написанныя около 1770 г., въ печати же они явились значительно позже и въ позднѣйшей обработкѣ, которая, все же, не придала имъ значительныхъ достоинствъ. Затѣмъ, заслуживаютъ упоминанія «Невѣстъ», «Препятствіе къ свиданію съ супругой», «Призываніе и явленіе Плѣниры», «Скромность», «Къ Евтерпѣ», «Граціямъ», «Горы», «Гитара», «Приношеніе красавицамъ», «На разлуку», «Зима», «Четыре возраста», «Признаніе», «Арфа», «Мечта» и, быть можетъ, еще нѣсколько другихъ. Истинною теплотою чувства и, до нѣкоторой степени, его тонкостью и глубиною отмѣчены главнымъ образомъ четыре послѣднія изъ названныхъ, остальный же, если судить сколько нибудь строго, незначительны. Къ этой же группѣ относятся около 20 стихотвореній въ духѣ Анакреона и рядъ переводовъ и переложеній; не случайно, конечно, что какъ разъ въ стихотвореніяхъ, рисующихъ душевную жизнь, Державинъ часто подражалъ или и прямо переводилъ: онъ, очевидно, не чувствовалъ особенного призыва въ такомъ родѣ творить. Анакреонтическія подражанія Державина вообще очень удачны; хороши и его переложенія псалмовъ — числомъ 26: сравнительно съ ними Сумароковскія переложенія прямо ужасны, переводъ же отрывка изъ «Пѣсни пѣсней» («Соломонъ и Суламита») менѣе удаченъ. Переведено Державинымъ свыше 50 стихотвореній: 14 изъ Анакреона, 3 изъ древней греческой антологіи, 2 изъ Пиндара, 2 изъ Сафо, по одному изъ Арифона, Діонисія и Клеанта, 12 изъ Горація — не считая подражаній ему, 4 — изъ Козегартена, 3 сонета Петrarки, по одному стихотворенію Броуна, Гуарини, Метастазіо, Ж. Б. Руссо, Вольтера, гр. Віельгорскаго, Гете — «Цѣпочка», очень удачно, — и Шиллера — «Laura am Klavir» — очень тяжело и натянуто. Достойно замѣчанія, что одно изъ переведенныхъ Державинымъ стихотвореній Козегартена (род. въ 1758, ум. въ 1818), именно «Die Erscheinung» («Явленіе», III, 54 — 55) представляетъ собою, несомнѣнно, подражаніе Гетевскому «Посвященію», подражаніе не дурное, но, все же, далеко уступающее оригиналу; вспоминая отзывъ Державина о Шиллерѣ, можно, однако, усомниться, отдалъ ли бы Дер-

жавинъ предпочтение Гетеевскому стихотворенію, если бы оно и было ему известно.

Въ группѣ стихотвореній, относящихся къ лицамъ царствующаго дома, до 80 отдельныхъ вещей. На первомъ мѣстѣ надо поставить до 20 произведеній, касающихся непосредственно Екатерины II¹; затѣмъ Державинъ писалъ оды и хоры на восшествія на престоль и коронаціи Павла и Александра, оды на рожденія, браки, кончины нѣсколькихъ великихъ князей и великихъ княженъ, рядъ стихотвореній на такіе случаи, какъ прибытие и отъездъ императора, императрицы и великихъ князей и княгинь, на пляску великихъ княженъ предъ императрицею, на горѣлки съ ихъ участіемъ, на прогулку вел. кн. Александра Павловича съ супругою по Невской набережной и т. п.

Къ третьей группѣ относится свыше 60 стихотвореній—прежде всего на разные эпизоды военной исторіи; въ связи съ борьбою противъ Наполеона Державинъ написалъ около 10 произведеній, въ ряду которыхъ замѣчательна «Гимнъ лиро-этическій» (1812, III, 100—117); далѣе идутъ стихотворенія на мирные трактаты, на открытия крупныхъ общеполезныхъ учрежденій, наконецъ, и на такіе моменты, какъ освященіе богоадѣльни, устроенной на средства цесаревича и цесаревны, принятіе на себя Павломъ I званія гросмейстера Мальтійскаго ордена, назначеніе Александра Павловича въ Сенатъ и т. п.; сюда же можно отнести свыше 60 обращеній Державина къ разнымъ лицамъ, то привлекавшимъ его вниманіе своею общественною дѣятельностью, то просто его знакомымъ. Къ четвертой группѣ относится у Державина до 70 произведеній; тутъ

¹ Писать въ честь Екатерины Державинъ сталъ очень рано: уже въ 1767 г. онъ написалъ «Оду Екатеринѣ II», остававшуюся неизданной до появления въ академическомъ изданіи (III, 184); въ числѣ напечатанныхъ въ 1774 г., «Одѣ сочиненныхъ при горѣ Читалагаѣ» есть «Ода на день рожденія ея величества»; въ академическомъ же изданіи явилась впервые «Пѣснь Екатеринѣ II», написанная въ 1779 г.; произведенія эти не замѣчательны. Программа «Фелица», написанная въ 1782 г.; за нею быстро послѣдовали: «Благодарность Фелицы», «Видѣніе мурзы» (1783); «Изображеніе Фелицы», «На путешествіе ея величества» (въ Бѣлоруссію, 1780); «Надпись къ портрету Екатерины» (1789, 1791); въ 1796 г. напечатаны «Надгробная пѣснь» и «Эпитафія» Екатеринѣ II; произведенія въ ея честь, болѣе мелкія, въ свое время не изданныя—см. т. III 183, 184, 188, 230, 257, 269, 286, 287.

наиболѣе замѣчательныя его произведенія: ода «Богъ» — и еще три произведенія на ту же приблизительно тему, — оды «Водопадъ», «Вельможа», «Властителямъ и судьямъ», и менѣе уже значительныя, каковыя «Наконечнъ», «Счастіе», «О удовольствіи», «Мужество», «Слава», «Идолопоклонство», «Добротель», нѣсколько стихотвореній на новый годъ и т. п. Наконецъ, въ пятой группѣ — стихотвореній бытоописательныхъ, — которыхъ можно насчитать до 30, особенно любопытны обширное посланіе «Евгенію. Жизнь Званской» (1807; II, 404 — 410, 411 — 414) и стихотвореніе «Раскаяніе» (1770; III, 192 — 194), имѣющее автобіографический интересъ и рисующее такія же переживанія, какія изображаютъ въ своихъ запискахъ и другіе люди того времени, напр. Болотовъ; сюда же надо причислить до 30 басенъ, совершенно незамѣчательныхъ въ литературномъ отношеніи и имѣющихъ нѣкоторый интересъ лишь для сужденія о житейскихъ отношеніяхъ автора. «Жизнь Званской» это — интересное, вѣрное и красиво написанное изображеніе деревенской жизни достаточныхъ и просвѣщенныхъ людей на рубежѣ XVIII и XIX вв., которое должно быть почитаемо въ числѣ цѣнныхъ бытоописательныхъ материаловъ, — какъ оцѣнивать эту жизнь самое по себѣ, это зависитъ ужъ отъ вкусовъ читателя. Съ технической стороны тутъ Державинъ явно подражалъ Горацію и начало очень близко напоминаетъ гораціевскіе стихи: «Beatus ille, qui procul negotiis» и т. д.; не этимъ ли подражаніемъ объясняется и нѣсколько искусственное словорасположеніе въ нѣкоторыхъ частяхъ посланія? Особнякомъ стоять двѣ попытки, довольно посредственныя, писать въ народномъ духѣ — «Царьдѣвица» и «Новгородскій волхвъ Злоторъ», и двѣ чисто сатирическаго характера вещицы, обѣ очень незначительныя по объему, но обѣ, особенно же вторая, достойныя вниманія. Первая изъ нихъ, четверостишие «На птичку»:

Поймали птичку голосисту,
И ну сжимать ее рукой:
Пищить бѣдняжка вмѣсто свисту,
А ей твердять: Пой, птичка, пой! —

отражаетъ настроенія поэта, когда онъ былъ приближенъ ко двору, около

1790 г., и часто слышалъ очень ясно выраженное желаніе, чтобы писать хвалебныя оды, но вовсе не находилъ въ себѣ вдохновенія, среди тѣхъ условій, въ какихъ очутился (III, 379). Второй отрывокъ положительно замѣчатель и дѣлаетъ честь Державину и какъ поэту, и какъ человѣку. По поводу мелочно-злобнаго отношенія, проявленнаго императоромъ Павломъ къ Суворову въ послѣднее время его жизни, а затѣмъ и къ его памяти, Державинъ началъ стихотвореніе, которое, къ сожалѣнію не окончилъ. Онъ написалъ (III, 294)

Всторжествовалъ — и усмѣхнулся
Внутри души своей тиранъ.
Что громъ его не промахнулся,
Что имъ ударъ послѣдній данъ
Непобѣдимому герою,
Который въ тысящѣ бояхъ
Боролся съ твердою душою
И презиралъ угрозы страхъ.
Нѣть, не тиранъ, не лютый рокъ,
Не смерть Суворова сразила:
Вѣнцедаятель, славы Богъ
Архистратига Михаила
Послалъ, вождя небесныхъ силъ
Да приведеть къ нему вождя земного
Пріять возмездія вѣнецъ,
Какъ лучъ отъ свода голубого¹ . . .

По своимъ литературнымъ достоинствамъ и по своей поэтической цѣнности отдалыя произведенія Державина очень неравны, но, главнымъ образомъ, въ зависимости отъ принадлежности къ различныхъ выше установленнымъ группамъ произведеній, постепенность же развитія таланта Державина установить едва ли можно: есть хорошіе стихи и въ

¹ У Державина: «Боролся съ твердой съ нимъ душою» и «небесныхъ вождя силъ»—стихотвореніе не отдано. Въ академическомъ изданій сочтено было необходимымъ слово «Суворова» замѣнить точками; по времени написанія этого стихотворенія и по самому его содержанію ясно, что тутъ надо читать именно это славное имя.

Читалагайскихъ одахъ, писанныхъ въ 1774 г., есть неудачные и въ произведеніяхъ самыхъ лучшихъ лѣтъ поэта. Выступилъ Державинъ на поэтическое поприще имѣя уже свыше 25 лѣтъ, т. е. въ такомъ возрастѣ, когда поэтическій даръ достигаетъ если не своего зенита, то, по крайней мѣрѣ, полной силы; по собственному заявлѣнію Державина онъ и рапѣ «мараль» стихи въ похвалу государыни, но все уничтожалъ (III, 490); съ несомнѣнностью можно установить только тотъ фактъ, что съ появленія «Фелицы» въ 1782 г. начинается лучшее десятилѣтіе поэтической дѣятельности Державина: за время съ 1782 по 1794 г., написаны и «Фелица», и «Водопадъ», и «Вельможа», и стихотвореніе «Мечта», и, наконецъ, ода «Богъ»; затѣмъ блескъ таланта, — но не его производительность, — у Державина ослабѣваетъ; за послѣднія два десятилѣтія онъ написалъ очень много, но лишь въ двухъ — трехъ произведеніяхъ талантъ его блеснуль съ прежнею силой. Не по хронологической своей послѣдовательности, а въ зависимости отъ своего сюжета, произведенія Державина различаются опредѣленіемъ: они тѣмъ лучше, чѣмъ значительнѣе ихъ содержаніе, чѣмъ болѣе сильно было чувство, подъ вліяніемъ котораго брался поэтъ за перо: лучше всего у Державина такія произведенія, какъ ода «Богъ», «Водопадъ», затѣмъ рядъ произведеній, написанныхъ подъ вліяніемъ сильнаго патріотического движения; за ними слѣдуютъ, по достоинству, тѣ, въ которыхъ поэтъ даетъ совершенно простыя картинки, или высказываетъ свое личное, сердечное чувство, и наименѣе замѣчательны тѣ, въ которыхъ Державинъ хотѣлъ высказать что нибудь значительное, въ которыхъ онъ старался быть глубокимъ: оды «На коварство», «На умѣренность», «На счастье» и другія въ томъ же родѣ содержать обыкновенно лишь самую обычную, порою даже пошлую, мораль; при этомъ и достоинства собственно литературныя у Державина почти всегда соответствуютъ поэтическимъ. Рассмотримъ прежде всего стихотворенія первой группы.

Теплымъ чувствомъ проникнуто стихотвореніе «Урна», (1797; II, 87), написанное по поводу смерти И. И. Шувалова, пользовавшагося общимъ уваженіемъ современниковъ. Особенно значительного тутъ ничего неѣть, но нѣкоторые образы и выраженія безспорно красивы и внушены неподѣльнымъ чувствомъ, напр.:

Смерть мужа праведна прекрасна!
 Какъ умолкающій органъ,
 Какъ лучъ послѣдній солнца ясна
 Блистасть, тонеть въ океанъ,
 Подобно въ неизмѣрны бездны,
 Отъ міра тѣлнаго спѣша,
 Летить сквозь миріады звѣздны
 Блаженная твоя душа.

Къ сожалѣнію, авторъ не выдерживаетъ этого тона, и читателя расхолаживаетъ уже слѣдующая строфа, гдѣ присущій Державину недостатокъ чувства мѣры съ полною силой выражается въ такой картинѣ:

Или какъ странникъ, путь опасный
 Прошедшій межъ стремнинъ и горъ,
 Змѣй слыша свистъ, львовъ ревъ ужасный
 Позадъ себя во тьмѣ и взоръ
 Отъ зубъ ихъ отвратя, взбѣгасть
 Съ весельемъ на высокій холмъ —
 Отъ міра духъ твой возлетаетъ
 Такъ вѣчности въ прекрасный домъ.

Въ концѣ стихотворенія опять искренно, и красиво сказано:

О, сколько юношей тобою
 Познанья воспріяли свѣтъ,
 Какою пламенной струею
 Сей свѣтъ въ потомство протечеть! —

и снова совсѣмъ недостойны этого, вообще красиваго и сердечнаго, стихотворенія двѣ заключительныя его строки, въ которыхъ предлагается такая надпись для гробницы Шувалова:

«Онъ жилъ для всенародной льготы
 И покровительства наукъ».

Пользовалась въ свое время громкою извѣстностью и принадлежитъ, дѣйствительно, къ числу лучшихъ произведеній Державина ода 1794 г., «Вельможа», представляющая переработку, и, на этотъ разъ, къ лучшему, оды «На знатность», написанной въ 1774 г. (I, 431 — 436, и III, 224 — 227). Мысли, высказанныя въ ней, вообще говоря, мысли вѣрныя, хотя назвать ихъ глубокими или возвышенными можно лишь съ большимъ преувеличеніемъ. Начинается ода такъ:

Не украшеніе одеждъ
Моя днесь Муза прославляетъ,
Которое въ глазахъ невѣждъ
Шутовъ въ вельможи наряжаетъ,
Хочу достоинства я чтить.

Въ этой именно одѣ находятся извѣстныя выраженія.

Калигула! твой конь въ сенатѣ
Не могъ сіять, сіяя въ златѣ:
Сіаютъ добрыя дѣла.

.....
Осель останется осломъ,
Хотя осинъ его звѣздами;
Гдѣ надо дѣйствовать умомъ,
Онъ только хлопаетъ ушами.

.....
Почтенъ и въ рубищѣ герой.

.....
Что наше благородство, честь,
Коль не изящности душевны? . . .

.....
Вельможу должны составлять
Умъ здравый, сердце просвѣщено . . .

.....
Я князь, коль мой сіаетъ духъ,
Владѣлецъ, коль страстью владѣю,

Боляринъ, коль за всѣхъ болѣю,
Царю, закону, церкви другъ.

Послѣднее сужденіе, вспоминаемое еще и до сихъ поръ, не составляетъ литературной собственности Державина: ранѣе уже, въ прозаической формѣ, эта самая мысль высказана была у Сумарокова¹, и не невозможно, что и Сумароковъ её у кого нибудь заимствовалъ. Въ этой одѣ такъ очерченъ типъ вельможи, пользующагося почетомъ лишь по своему положенію: онъ пренебрегаетъ людьми съ истинными заслугами, живеть лишь для себя и «въ развращенномъ сердцѣ мнить»:

«Мнѣ мигъ покоя моего
Пріятнѣй, чѣмъ въ исторыи вѣки:
Жить для себѣ лишь одного,
Лишь радостей умѣть пить рѣки,
Лишь вѣтромъ плыть, гнѣсть чернь яромъ,
Стыдъ, совѣсть — слабыхъ душъ тревога,
Нѣть добродѣтели, нѣть Бога!» и т. д.

Такія мысли и такія выраженія для своего времени не были, пожалуй, избитыми; но часть своего значенія эта ода теряетъ въ виду поясненія, даваемаго самимъ Державинымъ, что черты недостойнаго вельможи заимствованы изъ нѣкоторыхъ поступковъ только что умершаго Потемкина, того самаго Потемкина, котораго поэтъ незадолго предъ тѣмъ такъ прославлялъ въ одахъ «Рѣшемыслу» и «Водоцадъ»...

Большинство произведеній разсматриваемой теперь группы, какъ уже сказано, незначительны; въ одѣ, напримѣръ, «На коварство,» написанной и слогомъ очень напыщеннымъ, проводится идея, что коварство, подъ именемъ котораго поэтъ разумѣеть вообще дурныя свойства человѣческаго духа, произвело все нежелательныя явленія въ исторіи, что онъ и подверждаетъ примѣрами, не всегда вполнѣ удачно выбранными; поэтъ говоритъ, что люди должны противъ «коварства» бороться и побѣдить его. Въ одѣ «На счастье» развивается мысль, что судьбы людей и обществъ зависятъ по преимуществу отъ того, къ кому повернется счастье

¹ «Письмо о достоинствѣ» — Собраніе сочиненій, изд. II, т. VI, 345.

лицомъ, къ кому «хребтомъ»; въ одѣ «На умѣренность» прославляется это качество, какъ главнѣйшее условіе человѣческаго благополучія, и т. д. Идеалы автора въ области нравственной и общественной жизни, близко совпадавшіе со взглядами, какіе господствовали въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ, съ большою полнотою выражены въ стихотвореніи «Молитва» (1797; II, 8). Въ немъ, обращаясь къ Богу, онъ взыываеть:

«О, ниспосли-жъ мнѣ столько силъ,
 Чтобы развращенну волю злую
 Твоей я волѣ покорилъ
 И такъ бы сдѣлалъ душу чисту,
 Какъ водный ключъ сквозь блатъ гнилыхъ,
 Какъ запахъ розъ, сквозь дебрь дымисту,
 Какъ лучъ небесъ, сквозь бездѣль ночныхъ,
 Протекши, тѣми же бывають,
 Что были въ естествѣ своеемъ,
 Или свѣтлѣй еще сияютъ,
 Чѣмъ (? Какъ?) золото, жженное огнемъ.
 Подаждь, чтобы все мое желанье,
 Вся мысль моя единъ былъ Ты,
 И истинъ бы Твоихъ алканье
 Пожрало міра суеты.
 Чтобы правды, совѣсти, закона,
 Которы мнѣ Ты въ грудь вліялъ,
 Изъ подлости, хотя-бъ у трона,
 Я ни на что не промѣнялъ.
 Чтобы, зная мое происхожденіе,
 Моихъ достоинствъ я не тѣмилъ,
 Твоей лишь волѣ въ угощеніе
 Въ лицѣ царя Твой образъ чтиль;
 Чтобы, трудясь я безвозвездно,
 Творилъ самимъ врагамъ добро,
 И, какъ Тебѣ добро любезно,
 Такъ ненавидѣлъ бы я зло;

Несчастныхъ, утѣсненныхъ слезу
 Чтобы спѣшилъ я отирать,
 Сердца, подобный желѣзу,
 Моею кротостью смягчать;
 Чтобъ не былъ я ни гордъ, ни злобенъ,
 На лонѣ пѣгъ не воздремалъ,
 Но былъ душой Тебѣ подобенъ
 И всю её съ Тобой сливалъ.

Изъ числа произведеній, которые даютъ только простыя картинки и тоже принадлежать къ лучшимъ стихотвореніямъ Державина, дѣйствительно, прелестна «Мечта», о которой далъ восторженный отзывъ П. А. Плетневъ, тотъ самый, кому Пушкинъ посвятилъ «Евгения Онѣгина»; вотъ это стихотвореніе: (1794: I, 409):

Вотедь въ шалашъ мой торопливо,
 Я вижу: мальчикъ въ немъ сидитъ
 И въ уголку кремнемъ въ огниво,
 Мне чудилось, звучить.

Рѣкою искры упадали
 Изъ рукъ его, во тьмѣ горя,
 И розы на лицѣ блистали,
 Какъ утрення заря.

Одна тутъ искра отдѣлилась
 И на мою упала грудь,
 Мне въ сердца, въ душу заронилась . . .
 Не смѣла я дохнуть,

Стояла бездыханна, млѣла
 И съ мѣста не могла ступить,
 Уйти хотѣла — не умѣла . . .

Не то-ль зовутъ «любить»?

Люблю . . . кого? сама не знаю;
 Испечь меня плѣнившій сонъ,

Но я съ тѣхъ поръ, съ тѣхъ поръ страдаю,
Какъ искру бросиль онъ.

Тоскуетъ сердце . . . Дай мнѣ руку,
Почувствуй пламень сей мечты . . .
Виновна ль я? прерви мнѣ муку.
Любезенъ, милъ мнѣ ты.

Не менѣе просто и не менѣе изящно стихотвореніе «Дарь» (1797; II, 59):

«Вотъ, сказалъ мнѣ Аполлонъ,
Я даю тебѣ ту лиру,
Коей иѣжныи, звучный тонъ,
Можетъ быть пріятель миру.

Пой вельможей и царей,
Коль захочешь быть имъ нравенъ:
Лирою чрезъ нихъ ты сей
Можешь быть богатъ и славенъ.

Если-жъ пышность, санъ, богатство
Не по склонностямъ твоимъ—
Пой покой, любовь, пріятство:
Будешь красотой любимъ».

Взялъ я лиру и запѣлъ—
Струны правду зазвучали;
Кто внимать мнѣ захотѣлъ?
Лишь красавицы внимали.

Я доволенъ, свѣта богъ,
Даромъ симъ твоимъ небеснымъ:
Я богатымъ быть не могъ,
Но я милъ женамъ прелестнымъ.

Чрезвычайно хорошо стихотвореніе «Хариты», въ которомъ Державинъ коснулся семейной жизни царской фамиліи (1795; I, 493):

По слѣдамъ Анакреона
Я хотѣлъ воспѣть Харитъ.

Фебъ во гнѣвѣ съ Геликона

Мнѣ предсталъ и говоритъ:

«Какъ?! и ты уже небесныхъ
Дѣвъ желаешь воспѣвать?
Столько прелестей безсмертныхъ
Хочешь, смертныи, описать?
Но бывалъ ли на высокомъ
Ты Олимпъ у боговъ?
Обнималъ ли смертныи окомъ
Ты веселье ихъ пировъ? —

и послѣ нѣсколькихъ еще, въ подобномъ же духѣ, вопросовъ, заключаетъ свою рѣчь такими словами:

Словомъ, видѣлъ ли картины,
Непостижныи уму?»

— «Видѣлъ внукъ Екатерины»,

Я отвѣтствовалъ ему.

Богъ Парнаса улыбнулся,

Давъ мнѣ лиру, отлетѣлъ, —

Я струнамъ ея коснулся

И младыхъ Харитъ воспѣлъ.

Безспорно, все это не какія нибудь исключительныя произведенія, но они ясно свидѣтельствуютъ и о настоящемъ поэтическомъ таланѣ автора и о такомъ его умѣнии владѣть русскимъ языкомъ, которое до того времени было неизвѣстно. Въ смыслѣ языка Державинъ далъ слѣдующему поколѣнію очень много. Державинъ обрабатывалъ свои произведения съ достойною всякихъ похвалъ тщательностью; рукописи его испещрены множествомъ поправокъ и передѣлокъ, и, относясь вообще съ большою щекотливостью къ замѣчаніямъ о своихъ произведеніяхъ (I, 96, 99 и др.), онъ при отдѣлкѣ ихъ охотно пользовался совѣтами ближайшихъ своихъ друзей — И. И. Дмитріева, В. В. Капниста, Н. А. Львова. Говоря о вниманіи, съ какимъ относился Державинъ къ языку, надо упомянуть о стихотвореніяхъ его, числомъ до десяти, въ которыхъ ни разу не встрѣчается звукъ *p*, и о нѣкоторыхъ, очевидно умышленно введен-

ныхъ, звукоподражаніяхъ. Отсутствіе звука *r* по эстетическимъ теоріямъ XVIII в. придавало рѣчи особую плавность и нѣжность; Державинъ пожелалъ доказать, что и русскій языкъ даетъ полную возможность выражаться съ такою же мягкостью, и вполнѣ достигъ своей цѣли. Вотъ, напр., «Пѣснь Баярда», написанная какъ романсь для одной оперы (1799; II, 158):

Сладостное чувствъ томленье,

Огнь души, цѣнь изъ цвѣтовъ!

Какъ твое намъ вдохновеніе

Восхитительно, любовь!

Нѣть блаженнѣе той части,

Какъ быть въ плѣнѣ милой власти,

Какъ взаимну цѣнь носить,

Быть любиму и любить!

Умножайся, пламень нѣжный,

Подъ желѣзной латой сей,

Печатлѣйся видъ любезной

Въ мысляхъ и душѣ моей.

Нѣть блаженнѣе той части... и т. д.

Въ бой иду — не ужасаюсь,

Честь любезной отомшу!

Соблещите, ополчаюсь,

Молни мое му мечу!

Нѣть блаженнѣе той части и т. д.

Примѣровъ звукоподражанія можно привести изъ сочиненій Державина по крайней мѣрѣ два: въ стихотвореніи «Мой истуканъ» (1794; I, 421), поэтъ, говоря, что его истуканъ, т. е. бюсть, хранимый теперь съ почетомъ, впослѣдствіи, можетъ быть будетъ пренебрежительно выброшенъ, выражается такъ:

Черезъ рѣшетки золотыя

Слетить и разсмѣшить весь міръ,

Стуча съ крыльца, ступень съ ступени,

И скатится въ древесны сѣни,—

а въ стихотвореніи «Персей и Андромеда» битва героя съ дракономъ описана слѣдующими строками, не особенно, пожалуй, благозвучными и красивыми, но съ большою близостью воспроизводящими шумъ рукопашной схватки (1807; II, 391):

Частая сѣча меча
Сильна, могуча плеча,
Стали о плиты звуча,
Ночью блеща, какъ свѣча,
Эхо за эхами мча,
Гулы сугубить, звуча.

Изъ произведеній Державина второй группы, т. е. имѣющихъ ближайшее отношеніе къ лицамъ царской фамиліи и ко Двору, наиболѣе извѣстна и наиболѣе замѣчательна «Фелица» (1782; I, 83), это во всѣхъ отношеніяхъ счастливое произведеніе: оно не только сразу упрочило литературную славу автора и доставило ему благосклонность императрицы, выраженную тогда же въ драгоценномъ подаркѣ, но дѣйствительно, удалось поэту и по формѣ: языкъ въ «Фелицѣ» чистъ, а слогъ живъ и легокъ въ такой степени, какой удавалось Державину достигать далеко не всѣхъ его стихотвореніяхъ. Содержаніе оды незначительно: это — сплошная лесть Екатеринѣ; порокамъ окружающихъ ее вѣльможъ противоставляются ея достоинства какъ иѣчто, яко-бы, исключительное, но, въ сущности, поэтъ не коснулся серьезныхъ недостатковъ, не выдвинулъ и крупныхъ достоинствъ: свойства царицы восхваляются какъ что-то необыкновенное только потому, что это свойства государыши, а за лицами такого положенія люди того времени — не у насъ только — были готовы признавать право почти ничѣмъ не стѣсняться по отношенію къ окружающимъ. «Фелица» имѣла успѣхъ прежде всего, какъ вещь пріятная императрицѣ; но она заслуживала его и какъ изящное стихотвореніе, почти шутка, первая въ своемъ родѣ; повтореніе чего либо подобнаго уже не могло произвести никакого впечатлѣнія — и дѣйствительно, полный pendant къ «Фелицѣ», ода «Къ царевичу Хлору» (1802; II, 259), обращенная къ только что воцарившемуся императору Александру, прошла совершенно незамѣченою. Изъ другихъ произведеній той же группы стоять назвать оду: «На рожде-

ніе на съверѣ порfirороднаго отрока» (1779; I, 80) — на нее часто потомъ ссылался Державинъ, какъ на свое пророчество о судьбѣ импера-тора Александра, — въ ней и фраза, заслуженно восхваляемая и повторяемая: «Будь на тронѣ человѣкъ!», — да, пожалуй, оду «На отбытіе импера-трицы Елизаветы Алексѣевны» къ супругу въ заграничную армію (1813; III, 139). Державинъ тутъ съ большою симпатіею и вѣрностью очертилъ образъ императрицы Елизаветы Алексѣевны, долго остававшейся совершенно въ тѣни предъ властолюбивою и въ глубинѣ души жесткою Маріею Феодоровною. Ода эта начинается такъ:

Ужь двадцать лѣтъ, какъ украшаешь
Ты россека трона вышину,
Ужь двадцать лѣтъ изображаешь
Щедроту, кротость, тишину.
Кто зреѣлъ лицо твое сурово?
Кому рекла обидно слово?
Виною чыхъ была ты слезъ? и т. д.

Всю свою поэтическую силу Державинъ, какъ уже сказано, проявлять въ тѣхъ произведеніяхъ, которыя онъ писалъ, действительно, вдохновляясь ихъ сюжетомъ (группа третья).

Прекрасныхъ, энергическихъ стиховъ не мало въ одѣ «На взятіе Измаила» (1790; I, 237). Ода эта, хотя и не свободная отъ не совсѣмъ удачныхъ оборотовъ и плохихъ риомъ, все же несравненно выше другихъ стихотвореній, тогда во множествѣ появлявшихся на подобные случаи, и производила въ свое время сильное впечатлѣніе; мѣстами ему невозможно не поддаться даже и теперь. Начало приступа, напр., описывается такъ: войска

Идуть въ молчаніи глубокомъ
Во мрачной, страшной тишинѣ,
Собой пренебрегая, рокомъ;
Зарница только въ вышинѣ
На ихъ оружіи играеть,
И только ихъ душа сіаетъ,
Когда на бой, на смерть идутъ;

далѣе поэтъ восклицаетъ:

Какая въ войскахъ доблестъ ряна,
Какой великий духъ въ сердцахъ!

Приступъ къ грозной крѣпости вполнѣ удался, потому что у войскъ
Великий духъ былъ вмѣсто крыль.

Грандіозныхъ образовъ и звучныхъ строфъ немало и въ одѣ «На
взятіе Варшавы» (1794; I, 443), напр.

И славы громъ,
Какъ шумъ морей, какъ громъ воздушныхъ споровъ,
Изъ дола въ долъ, съ холма на холмъ,
Изъ дебри въ дебрь, отъ рода въ родъ,
Прокатится, пройдетъ,
Промчится, прозвучить,
И въ вѣчность возвѣстить,
Кто былъ Суворовъ.
Вихрь полуночный — летить богатыры!
Тьма отъ чела, съ посвиста пыль,
Молны отъ взоровъ бѣгутъ впереди,
Дубы грядою лежать позади;
Ступить на горы — горы трещать,
Ляжетъ на воды — воды кипятъ,
Граду коснется — градъ упадаетъ,
Башни рукою за облакъ кидаетъ . . .

Поэтъ рисуетъ такую картину: къ русской арміи «великий Петръ
свой взоръ низводить» и воздаетъ ей хвалу; когда

Прорекъ монархъ и скрылся въ сѣнь,
Герои россии всколебались,
Сѣдымъ челомъ приподнимались,

чтобы видѣть подвиги своихъ потомковъ. Есть превосходныя описанія и
въ одахъ «На возвращеніе графа Зубова изъ Персіи» (1797; II, 19) и,
особенно, «На переходъ Альпийскихъ горъ» (1799; II, 173). Замѣча-

тельно, какъ сумѣль въ нихъ Державинъ по разсказамъ нарисовать картины природы, никогда имъ не виданной, и воплотить ихъ въ яркую, образную рѣчъ. Вотъ какъ, напр., изображаетъ онъ движеніе Суворова съ войскомъ по Швейцаріи:

Ведеть — и нѣкая громада,
 Гигантъ, предъ нимъ сталъ на пути;
 Главой небесь, ногами ада
 Касаяся, претитъ идти;
 Со ребръ его шумятъ внизъ рѣки,
 Предъ нимъ мелькаютъ дни и вѣки
 Какъ вокругъ волнующейся парь;
 Ничто его не потрясаетъ,
 Онъ громъ и бури презираеть:
 Нахмурясь, смотрить Сень-Готаръ.
 А тамъ — волшебница сѣдая
 Лежить на высотѣ холмовъ,
 Дыханьемъ солнце отражая
 Блестить вдали огнями льдовъ
 А тамъ — пещера мрачна спить
 И смертнымъ мракомъ взоры кроеть,
 Какъ бурею, гортанью воеть,
 Предъ ней отчаянье сидить

Весьма замѣчательна ода «Водопадъ» (1791; I, 318). Уже самая мысль избрать водопадъ какъ образъ человѣческой жизни — весьма удачна; начинается ода величественною, кажется, весьмъ известною картиною:

Алмазна сыплется гора
 Съ высотъ четыремя скалами;
 Жемчугу бездна и сребра
 Кипить внизу, бѣть вверхъ буграми,
 Отъ брызговъ синій холмъ стоять,
 Далече ревъ въ лѣсу гремить.

Во мракѣ суроваго лѣса поэту видится образъ сѣдого воина, сидящаго въ глубокой задумчивости; нѣсколькими мастерскими штрихами очерченъ въ его лицѣ знаменитый вождь, несправедливо заслоненный другими любимцами счастья, Румянцевъ.

Сошла октябрьска ночь на землю,
На лоно мрачной тишины . . .
Пустыня, взоръ насыпя свой,
Утесы и скалы дремали,

продолжаетъ поэтъ; онъ говорить затѣмъ, что внезапно какое то видѣніе поражаетъ задумавшагося воина;

«Знать, умеръ нѣкій вождь!»

восклицаетъ онъ — и поэтъ рисуетъ смерть Потемкина, дѣйствительно, умершаго ночью, въ началѣ октября, во время переѣзда степью; онъ говоритъ:

Чей трупъ, какъ на распутьи мгла,
Лежить на темномъ лонѣ ночи?
Простое рубище чресла,
Два лента покрываютъ очи,
Прижаты къ хладной груди персты,
Уста безмолвствуютъ отверсты . . .
Чей одръ — земля, кровъ — воздухъ синъ,
Чергоги — вкругъ пустынны виды,—
Не ты ли, счастья, славы синъ,
Великолѣпный князь Тавриды,
Не ты ли, съ высоты честей,
Незапно паль среди степей?!

Заслуживають вниманія и строки, посвященные дѣламъ и свойствамъ Потемкина, особенно два слѣдующіе стиха, очень удачно обрисовывающіе этого прихотливаго, непостояннаго, часто неосновательнаго, но энергичнаго и всегда оригинальнаго человѣка:

Не шель ты средь путей известныхъ,
Но пролагалъ ихъ самъ . . .

Почти черезъ 25 л. послѣ смерти Потемкина отозвался Державинъ на кончину другого полководца, болѣе замѣчательнаго своими заслугами предъ Россіей — на кончину Кутузова; онъ написалъ въ память его стихи «Тѣнь и нетѣнь» (1813; III, 130 — 132), произведеніе съ достоинствами, но все же далеко уступающее «Водопаду», написанному Державинымъ въ лучшую пору его творчества. Но сильное патріотическое чувство, вызванное эпическою борьбою съ Наполеономъ и торжествомъ русскихъ надъ врагами, пробудило въ семидесятилѣтнемъ поэта его прежній, почти уже угасшій подъ бременемъ лѣть жаръ — и въ 1812 д., когда Жуковскій написалъ своего «Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ» — первое, кажется, произведеніе, которое современники признали лучшимъ, чѣмъ плоды Державинской музы,— почти въ то самое время, когда Пушкинъ готовилъ свои «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ», Державинъ написалъ «Гимнъ лиро-эпическій» на прогнаніе французовъ изъ отечества (III, 100 — 117). Это — самое обширное его стихотвореніе и послѣднее его значительное произведеніе; оно заслуживаетъ полнаго вниманія; въ немъ немало такихъ стиховъ, какихъ давно уже не давалъ престарѣлый поэтъ — и красивыхъ, и сильныхъ, и звучныхъ.

Открылась тайнъ священныхъ дверь!,

такъ говорить Державинъ въ началѣ оды, рисуя какъ иѣчто мистическое появленіе Наполеона. Его вступленіе въ Россію имѣло слѣдствіемъ, что

Облекшиесь, россій родъ,
Какъ исполинъ встаетъ.

Въ описаніи Бородинскаго боя есть строки, не недостойныя упоминанія рядомъ съ Пушкинскою картиною Полтавской битвы:

Тамъ штыкъ съ щтыкомъ, рой съ роемъ пуль,
Ядро съ ядромъ и бомба съ бомбой,
Жужжа, свища, сшибались съ злобой,
И мечъ, о мечъ звуча, слалъ гулъ;
Тамъ всадники, какъ вихри бурны,
Темнѣли пылью сводъ лазурный;
Тамъ блѣдна Смерть съ косой въ рукахъ,

Скрежещуща, въ единый махъ
Полки, какъ класы, посѣкала
И трупы по полямъ бросала.

А вотъ и еще строки, которыя можно ли читать безъ волненія и теперь, и всегда:

Цари Европы и народы!
Какъ бури вы стремились воды,
Чтобъ поглотить край Росса весь.
Но, буйные, гдѣ сами днесъ?
Почто вы спяща льва будили?
Чтобы узналь свои онъ силы?

.....

.... О, радость! о восторгъ!
Кавказъ и Тавръ встають мнѣ выше,
Евксинъ и Балтъ шумятъ мнѣ тише:
Мы побѣдили — съ нами Богъ!

.....

.... вѣчности лучай
Достойны воины нашихъ дней.

Вѣнецъ Державинскаго творчества — ода «Богъ», произведеніе весьма замѣчательное, отмѣченное и наибольшимъ подъемомъ чувства и высокимъ широтомъ мысли (1784; I, 130—133; 133—148).

На эту тему въ XVII и XVIII вв. писалось множество произведеній и въ стихахъ, и въ прозѣ; оду въ честь «истиннаго Бога» написалъ въ свои молодые годы и Вольтеръ; до Державинской оды на русскомъ языкѣ было чуть не десять подобнаго рода произведеній и еще болѣе появилось ихъ послѣ нея. Ода «Богъ» давно уже переведена на многие языки: на французскій не менѣе 15 разъ, несколько разъ на нѣмецкій, затѣмъ — на англійскій, итальянскій, испанскій, польскій, чешскій, латинскій и даже на японскій. Высказывалось предположеніе, даже утверждалось, что Державинская ода есть только переводъ, назывались и яко-бы оригиналы ея, именно стихотворенія на ту же тему жившихъ въ XVII — XVIII вв. поэтовъ — итальянскаго Котты и нѣмецкаго

Брокеса. Нѣкоторое отдаленное сходство еще можно видѣть, пожалуй, между одами Державина и Брокеса, произведеніе же Котты имѣть съ русскою одою лишь общій сюжетъ; вообще, можно сказать съ полною увѣренностью, что Державинъ въ данномъ случаѣ не переводилъ ни Брокеса, ни кого либо другого: ода «Богъ», несомнѣнно, оригинальное произведеніе Державина. Въ самомъ дѣлѣ, если Державинская ода, появившись на русскомъ языкѣ, который долго былъ въ литературныхъ кругахъ Европы извѣстенъ менѣе, чѣмъ всякий другой европейскій языкъ, привлекла такое исключительное вниманіе и такъ восхищала всѣхъ, кто съ нею знакомился, то можно ли сомнѣваться, что было бы широко извѣстно — если-бы оно существовало — и то стихотвореніе, которое Державинъ яко-бы переводилъ, тѣмъ болѣе, что Державинъ, несомнѣнно, не самъ находилъ для своихъ переводовъ оригиналы въ иностраннѣхъ литературахъ, а пользовался чими то указаніями. Но, не имѣя никакого непосредственнаго оригинала, Державинъ въ данномъ случаѣ вполнѣ оригинальнымъ не былъ, да и не могъ быть. Въ теченіе болѣе тысячи лѣтъ люди великихъ дарованій постоянно обращались къ вопросамъ о существѣ и свойствахъ Божиихъ, объ отношеніяхъ Бога къ миру и человѣку; отцами церкви обдумано и сказано было объ этомъ, кажется, все, что доступно уму человѣческому, и совершенно естественно, что Державинъ, не чуждый и искренней религіозности, и нѣкоторыхъ богословскихъ познаній, въ своей одѣ опирался на нѣкоторыя философскія и богословскія заключенія, такъ что ода его и должна была имѣть немало общаго съ другими произведеніями на ту же тему; но сюжетъ ея оставлялъ для поэтической обработки большой просторъ, и тутъ Державинъ проявилъ свой поэтическій даръ въполнѣ блескѣ. Но следовательно и стройно изложить то, что можно было тутъ сказать, облечь мысли въ соответственные образы, найти для нихъ слова, наиболѣе выразительныя — это задача вполнѣ достойная большого поэта. Державинъ выполнилъ ее блестящѣ: крупными и яркими чертами набросалъ онъ грандіозныя картины космоса и въ энергическихъ, сильныхъ и сжатыхъ выраженіяхъ противоставилъ величію Божію, какъ нѣчто безконечно малое, то, что представляется человѣку неизмѣримо великимъ; глубокимъ чувствомъ проникнуты и неотвратимо увлекаютъ

читателя звучныя строфы, въ которыхъ повторяется мысль не новая, но здѣсь прекрасно выраженная, что человѣкъ, по сравненію со всѣми міровыми силами и явленіями, имѣть исключительно высокое значеніе и достоинство, такъ какъ онъ, по благости Божіей, поставленъ въ средоточіи мірозданія, надѣленъ бессмертнымъ духомъ и, по разрушенніи тѣла, возвратится въ единеніе съ Божескимъ бессмертиемъ; въ одѣ этой и самый языкъ чище, сильнѣе, благородиѣ, чѣмъ въ какомъ либо другомъ произведеніи Державина. Нѣсколько строфъ изъ середины этой оды, начало которой извѣстно, кажется, всѣмъ, дадутъ ясное понятіе о ея крупныхъ поэтическихъ достоинствахъ.

Какъ искры сыплются, стремятся,
 Такъ солнцы отъ Тебя родятся;
 Какъ въ ясный мразный день зимой
 Былинки инея сверкаютъ,
 Вратятся, зыблются, сіяютъ,
 Такъ звѣзды въ безднахъ предъ Тобой.
 Свѣтиль возжженыхъ миллионы
 Въ неизмѣримости текутъ,
 Твои они творятъ законы,
 Лучи животворящи лютъ.
 Но огненны сіи лампады,
 Иль рдяныхъ кристалей громады,
 Иль волнъ златыхъ кипящій сонмъ,
 Или горящіе эфиры,
 Иль вкупѣ всѣ свѣтящи міры —
 Передъ Тобой какъ иощь предъ днемъ.
 Какъ капля въ море опущенна
 Вся твердь передъ Тобой сія, —
 Но чтò мнай зrimая вселенна
 И чтò передъ Тобою я?!

Въ воздушномъ океанѣ ономъ
 Міры умножа миллиономъ
 Стократъ другихъ міровъ, и то

Когда дерзну сравнить съ Тобою,
 Лишь будеть точкою одною,
 И я передъ Тобой ничто!
 Ничто! но Ты во мнѣ сіяешь
 Величествомъ Твоихъ добротъ,
 Во мнѣ себя изображаешь
 Какъ солнце въ малой каплѣ водъ . . .
 . . . Ты есь — природы чигъ вѣщаетъ,
 Гласить мое мнѣ сердце тѣ,
 Меня мой разумъ увѣряетъ,
 Ты есь — и я ужъ не ничто! . . .
 . . . Поставленъ, мнится мнѣ, въ почтений
 Срединѣ естества я той,
 Гдѣ кончили тварей Ты тѣлесныхъ,
 Гдѣ началъ Ты духовъ небесныхъ
 И цѣль существъ связалъ всѣхъ мной.
 Я связь міровъ повсюду сущихъ,
 Я крайня степень естества,
 Я средоточіе живущихъ,
 Черта начальна Божества;
 Я тѣломъ въ прахѣ истлѣваю,
 Умомъ громамъ новелѣваю,
 Я царь, я рабъ, я червь, я Богъ!

Есть у Державина и чисто духовная ода — «Христосъ» (1814; III, 145 — 153; 153 — 159). Поэту принадлежитъ въ ней только литературное изложеніе, лишь вѣшняя форма, содержаніе же оды строго согласовано съ каноническимъ ученіемъ; въ примѣчаніяхъ авторъ приводить до ста ссылокъ на разныя мѣста Св. Писанія, на которыхъ онъ основывалъ то или другое выраженіе, тотъ или другой образъ; напечатана была ода послѣ тщательного разсмотрѣнія ея въ своего рода комиссіи духовныхъ лицъ, по указанію которыхъ Державинъ внесъ въ свои стихи нѣкоторыя измѣненія. Стихи этой оды вообще недурны, не хуже, чѣмъ въ иныхъ хорошихъ произведеніяхъ Державина, напр.:

О, тайнъ глубокихъ океанъ!
Пучина дивъ противоборныхъ!
Зачѣмъ сходилъ Ты съ звѣздныхъ странъ
И жилъ въ селеніяхъ юдольныхъ?
Творецъ Ты, — могъ все съ высоты;
Ты тварь, — почто же трепетала
Вся тварь, какъ жизнь Твоя увяла? и т. д.,

но въ изложениіи чувствуется нѣкоторая натянутость, пожалуй даже — своего рода фальшь: шесть строфъ, съ 3-ей по 8-ю начинаются вопросомъ: «Кто Ты?» и только въ девятой дается отвѣтъ:

Какъ? Неба сынъ Ты? ужасъ, мракъ
Мои всѣ пробѣгаютъ кости!
Ты Богъ? —

но вѣдь невозможно представить себѣ ни поэта пишущимъ, ни читателя читающимъ въ невѣдѣніи, что Христосъ есть Сынъ Божій, а, слѣд., ни того ни другого нельзя себѣ вообразить переживающими то потрясеніе, которое тутъ рисуется. Большого впечатлѣнія эта ода не произвела, не пользуется она и большою известностью, и скорѣе какъ курьезъ можно упомянуть, что Мицкевичъ въ 1841 г., въ своихъ парижскихъ лекціяхъ находилъ въ этой одѣ собственную философскую систему автора, и говорилъ, что нѣкоторые стихи въ ней «изумительны» по простотѣ и чисто-сердечности, и что «ничего подобного нѣть въ другихъ сочиненіяхъ Державина»; по соображеніямъ Мицкевича ода «Христосъ» и ода «Безсмертіе души» относятся къ первымъ годамъ поэтической дѣятельности Державина, — но точно известно, что «Безсмертіе души» написано въ 1797 г., а «Христосъ» — въ 1814.

III.

Указанныя достоинства произведеній Державина свидѣтельствуютъ, что онъ, хотя и не былъ поэтомъ, дѣйствительно, великимъ, но имѣлъ настоящій и крупный поэтическій талантъ; но нельзя умолчать и о его недостаткахъ, которые объясняются, частію тѣмъ, что онъ не обладалъ

въ достаточной степени чувствомъ изящнаго и чувствомъ мѣры, а частію тѣмъ, что въ иныхъ случаяхъ онъ сочинялъ, брался за перо по разсудочнымъ соображеніямъ, а не писалъ тогда только, когда «чувствовалъ въ себѣ риѣмы», когда былъ «звуковъ и смятенья полнъ».

Чувство изящнаго и чувство мѣры должны быть, прежде всего, врождены человѣку, но и прирожденныя они должны быть развивающими изученіемъ хорошихъ образцовъ, а, главное, образованіемъ вообще. Основательнаго образованія Державинъ не имѣлъ, не могъ онъ воспитать своего вкуса и на хорошихъ образцахъ, такъ какъ иностранными языками почти не владѣлъ, а на русскомъ языкѣ до него никто не писалъ стиховъ, обнаруживая сколько нибудь крупный поэтическій даръ. Очень хороши мѣстами нѣкоторыя оды Ломоносова, которому Державинъ и подражалъ въ своихъ первыхъ одахъ; но Ломоносовъ писалъ хорошо не потому, что онъ былъ поэтъ, а потому что онъ былъ вообще геніальный человѣкъ, который на всякомъ поприщѣ естественно становился много выше обыкновенныхъ людей — онъ, вѣдь, и въ живописномъ искусствѣ обнаружилъ большія способности; для человѣка тоже съ мощнымъ умомъ было бы весьма полезно слѣдовать Ломоносову, но Державинъ подражать ему не могъ, чтѣ самъ и почувствовалъ, почему и отказался отъ попытокъ писать въ духѣ Ломоносова.

Наблюденій надъ стихотвореніями Державина со стороны ихъ формы и языка интересы между прочимъ и потому, что даютъ представленіе, съ какимъ необработаннымъ еще материаломъ приходилось имѣть дѣло русскимъ писателямъ, только еще творившимъ тотъ богатый, гибкій и благородный языкъ, какой создался въ первой четверти XIX в.

Наименѣе важнымъ, но все же ощутительнымъ недостаткомъ является у Державина слишкомъ частое употребленіе, въ перенежку, то полныхъ, то краткихъ, славянскихъ окончаній именъ прилагательныхъ; допускалъ такія окончанія и Пушкинъ, но лишь изрѣдка, у Державина же иногда ихъ бываетъ прямо поровну — напр., въ одахъ «На смерть кн. Мещерскаго» и «На рожденіе на ѿзверѣ порfirороднаго отрока» (1779; I, 50, 54) — и это даетъ впечатлѣніе излишней пестроты и вычурности. Затѣмъ, нерѣдко допускаетъ Державинъ ударенія, неупотребительныя

даже въ его время, не говоря уже о томъ, что они стали совершенно неправильными для времени послѣдующаго¹. Такъ, напр., у него читается: «запоѣдей», «равѣнъ», «выг҃оду», «сѣна», «кристаль», «предаѣнность», «дѣры», «чѣлами», «напротивъ», «изрѣдка», «пишущій» и т. п. (I, 192, 220, 224, 243, 256, 257, 282, 304, 321, 324, 386 и др.; II, 32, 51, 74; 225, 376 и др.); «предаѣнность», впрочемъ, встрѣчается и у Пушкина («Евгений Онѣгинъ»; гл. L, XIV²), въ некоторыхъ случаяхъ ударенія эти поставлены тамъ, гдѣ ставились они въ языкѣ церковно-славянскомъ, но въ русскихъ стихахъ они отъ этого не менѣе неправильны.

Встрѣчаются у Державина, и довольно нерѣдко, совершенно неудачные риѳомы. Можно, пожалуй, не замѣтить, что не риѳома, а лишь созвучіе въ сопоставленіи такихъ словъ, какъ «царевна» и «несравненна», но у Державина и въ стихотвореніяхъ, написанныхъ сплошь риѳомованными строками, проскальзываютъ иногда явныя ошибки, какъ напр.:

И младыхъ въ ней нимфъ прекрасныхъ
Славныи пиromъ на столахъ,
На узорчатыхъ, атласныхъ
Бѣлыхъ тонкихъ скатертяхъ
Угощающихъ пріятно . . . и т. д. (II, 51),

или:

Счастливъ тотъ, у кого на столѣ
Хоть не роскошный, но опрятный,
Родительскіе хлѣбъ и соль
Поставлены . . . (II, 68),

или:

Такъ ты, подруга музъ, ліешь мнѣ свой воссторгъ,
Подъ быстрою рукой играющей Хариты,
Когда ея чело вѣнчаетъ вкуса богъ
И улыбаются любовію ланиты (II, 416).

¹ Акад. Гротъ ошибается, говоря — I, 233, что это бываетъ у Державина рѣдко.

² Замѣтимъ вообще, что удареніе на предлогѣ почти не допускалось въ церковно-славянскомъ языке, было сравнительно рѣдко и въ русскомъ языке XVIII в. и только постепенно стало почти обычнымъ.

Риомовалъ Державинъ такія слова, какъ «протяженній» и «члены», «гимнъ» и «отнынъ», «Альпійски» и «обелиски» и «Боровицкій», «правду, правды» и «награду, награды», «пріятность» и «святость», «водну» и «стогну», «времена» и «дня», «честь» и «перстъ», «велико-душный» и «благополучный», «брани» и «казни», «явила» и «постигла», «неподвижный» и «львиный», «арфа» и «Сафа» и т. п.¹ и даже — «Павель» и «ангель» (II, 121, 127, 179), — въ pendant къ этой, очень отдаленой, риомѣ можно указать развѣ ужъ слишкомъ созвучную, — «Александръ» и «саламандръ» (II, 418, III, 97), причемъ послѣднее слово употребляется Державинымъ въ мужескомъ родѣ. Допускаль Державинъ и такія неправильности, правда, лишь изрѣдка, какъ: «Но суетны суть вы»; «Екатерина! мы свидѣтель — Не ты была виной смертей!» (I, 221; II, 437; III, 143).

Недостаточною тонкостью вкуса объясняется слишкомъ искусственное расположение словъ, совершенно не соотвѣтствующее логическому отношенію выражаемыхъ ими понятій. Искусственность, даже запутанность словоразмѣщенія почиталась за одно изъ украшений рѣчи въ классической, особенно, въ римской литературѣ; такой взглядъ держался и въ средѣ поэтовъ, писавшихъ по латыни и въ XVI — XVII вв.; проникъ онъ и къ намъ въ XVIII в. У Дмитріева, относительно котораго уже современники замѣчали, что онъ особенно заботился о простотѣ въ расположении словъ, еще во множествѣ встрѣчаются такие обороты, какъ:

Лишь друзей моихъ къ забавѣ
Лиру я съ сѣни снималь . . .
· · · · ·
Ахъ, уклонимся-жъ хоть лѣтомъ
Древъ домашнихъ мы подъ сѣнь . . .
· · · · ·
Ждеть его, увы!, но тщетно и т. д.

Еще у Пушкина и у Лермонтова встречаются такие строки:

¹ II, 127, 181, 194, 197, 198, 228, 246, 265, 268, и др.; III, 110, 114, 162, 170, 177 и др.

Обильный чувствами разсказъ,
Давно не новыми для насъ . . .

Или разыгранный Фрейшицъ
Перстами робкихъ ученицъ . . .

Звонкобѣгущіе ручьи
По дну изъ камней разноцѣтныхъ,

но у этихъ поэтовъ подобные обороты крайне рѣдки, и имѣютъ какую то особенную, тонкую художественную прелестъ, у Державина же слишкомъ уже часто встрѣчаются такія строки: «И мрачной ночи подъ покровомъ», «Суля вы вольность, взяли дани», «Хранящій мужъ честные нравы», «Сражаясь вѣры со врагами», «Едва прохаживалъ ли день», «Пребудетъ образъ вѣкъ во миѣ; — Она который впечатлѣла», «Но, будучи столь чудесенъ, — Отколь произошелъ—безвѣстенъ» и т. п. (I, 109, 119, 132, 151; II, 180, 181), Есть примѣры и большей запутанности; напр., о погребеніи матери гр. Румянцева сказано:

Сія гробница скрыла
Затившаго мать лунный свѣтъ,

затѣмъ еще:

Кого ужасный гласъ отъ сма
На брань трубы не возбуждаетъ,

или

И чѣмъ въ Петрополѣ, будь счастливѣй на Званкѣ,

а въ стихотвореніи «Жизнь Званская» встрѣчаются двѣ строки, въ которыхъ смыслъ уловить возможно, но нельзя не чувствовать и крайней неестественности словорасположенія:

Забавно, въ тымъ челновъ съ сѣтьми какъ рыбаки,
Лѣнивымъ строемъ ильвъ, страшатъ тварь влаги стукомъ

(I, 151; II, 102, 120, 408).

Болѣе существеннымъ недостаткомъ, свидѣтельствующимъ не только о неумѣніи совладать со стихомъ и о нѣкоторомъ безвкусіи, но о нечувствительности къ нарушению логической и психологической правды, являются тѣ случаи, когда Державинъ употребляетъ выражения и образы, то слишкомъ тривіальные и мелкіе по сравненію съ тѣмъ, къ чему они примѣняются, то неизящные и даже двусмысленные, то чрезмѣрно натянутые, надутые. Напр., въ стихотвореніи «Рѣшемыслу», подъ именемъ котораго воспѣвается Потемкинъ, даже полушутливому, вообще говоря, тону, всетаки не соответствуетъ такое выраженіе мысли, что Потемкинъ исключительно благодаря своимъ заслугамъ, а не какой либо поддержкѣ, занимаетъ высокое свое мѣсто:

И безъ подпоръ, собою твердъ,
Ходить умѣть по паркету (1783; I, 120);

въ стихотвореніи «Развалины», говоря о томъ, каково было Царское Село при Екатеринѣ, описывая грандиозность великолѣпной обстановки и вспоминая труды и интересную жизнь императрицы и ея общества, Державинъ вдругъ вспоминаетъ и

. . . . собачекъ, ей любимыхъ,
Хвосты несущихъ вверхъ кольцомъ (1797, II, 64).

Дважды употребляетъ Державинъ совсѣмъ не поэтический образъ «заносить ногу»: разъ, воспѣвая выздоровленіе И. И. Шувалова, онъ говоритъ, что больной, было, уже «въ вѣчность» «занесъ ногу», а другой разъ, рисуя смущеніе султана при успѣхахъ русскаго оружія, пишетъ, что султанъ «заноситъ изъ Европы ногу» (1781; I, 80; 1783, I, 127); стихотвореніе «На смерть Нарышкина», не имѣющее, конечно, характера шутливости, заканчивается такою, положительно пошлою, фразою:

Брось нищему въ кошель полушку
И отвори себѣ тѣмъ рай (1799, II, 197),

Совершенно безвкусенъ такой куплетъ:

Роза зреїнію любезна,
Обонянію мила,
Зздравію, уму полезна
И невинностю свѣтла (1802; II, 267).

или такое обращеніе къ герою въ концѣ оды «Вельможа»:

Простри свой поздній блескъ въ народѣ,
Какъ отдаєтъ свой долгъ природѣ
Румяна вечера заря (1794; I, 436) —

тѣмъ болѣе, что тутъ каламбуръ на фамилію Румянцева, который вовсе неудаченъ, но Державину, очевидно, казался тонкимъ и изящнымъ: онъ повторилъ его и въ одѣ «Водопадъ», да еще съ очень натянутую риѳмою, сказавъ о Румянцевѣ, что

. . . . образъ, мысли и дѣла
Цвѣтуть его средь разныхъ глянцевъ,
Что верхъ сребристаго чела
Въ вѣнцѣ изъ молнійныхъ румянцевъ,
Блистаютъ въ будущихъ родахъ,
Отсвѣчиваюся въ сердцахъ (1794; I, 322).

Вотъ еще примѣры непоэтичныхъ и даже прямо неудачныхъ выражений. Въ одѣ «На новый 1797 г.», поэтъ обращается къ наступающему году съ вопросомъ, не «грозить ли» онъ

. . . . противнымъ не войною,
Но мирной масличной лозою? (1797, II, 12),

въ стихотвореніи «Дѣва за арфою» восторгъ предъ музыкальностью исполненія выражается такимъ восклицаніемъ:

Но стой и мнѣ повѣдай, дѣва,
Въ связи ль съ духами ты небесь? (1805; II, 340);

наконецъ, въ одѣ «На коварство», олицетворяемое въ дѣйствіяхъ французскихъ революціонеровъ, коварство это поэтъ рисуетъ такъ:

Когда смѣешься — ты сирена,
 Когда ты плачешь — крокодиль,
 Когда молчишь — тогда геена
 Кипитъ въ тебѣ всѣхъ адскихъ силъ (1790; II, 225).

Въ одномъ стихотвореніи у Державина рисуется картина, заключающая въ четырехъ строкахъ несогласимое противорѣчіе:

Изъ - за облакъ мѣсяцъ красный
 Всталъ и смотрится въ рѣкѣ;
 Сквозь туманъ и мракъ ужасный
 Путникъ ѿдеть въ чепокѣ (1796; I, 541);

дважды повторяетъ Державинъ совершенно нѣбрый образъ «молниі во слѣдъ громамъ» (1791, 1794; I, 256, 406). Стихотвореніе «Вѣнчаніе Леля», написанное на коронованіе Александра I, начинается такъ:

Колоколь ужаснымъ звономъ
 Воздухъ, землю колебалъ,
 И Иванъ Великій громомъ,
 Въ полночь освѣщенъ, дрожалъ;
 Я, пріятнымъ сномъ объятый,
 Видѣль, . . . и т. д. (1804; II, 240—242);

увлекшись звучностью, поэтъ не остановился на мысли: можетъ ли владѣть человѣкомъ «пріятный сонъ», когда отъ «ужаснаго звона» колеблются воздухъ и земля и дрожать зданія . . .

Отъ недостатковъ, объясняемыхъ тѣмъ, что авторъ придумывалъ образы, а не передавалъ только то, что кипѣло въ его духѣ, несвободна и ода «Видѣніе мурзы» (1783; I, 106), хотя она, тѣмъ не менѣе, должна быть причисляема къ удачнѣйшимъ произведеніямъ поэта¹. Иѣ-

¹ Кромѣ названія ода Державина ничего не имѣть общаго съ Vision of Mirza, Адиссона—Spectator, № 159, хотя произведеніе это могло быть извѣстно Державину по переводу Козицкаго въ «Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ», 1757, 345—354; есть «Видѣніе мурзы» и въ Утреннемъ Свѣтѣ, 1778, III, 285—297: произведеніе Адиссона представляетъ собою аллегорическое изображеніе людской жизни.

которая фальшь чувствуется уже въ самомъ началѣ оды: нарисовавъ красиво картину ночи, поэтъ говоритъ:

Я не спалъ, и, со звономъ лиры
Мой тихій голосъ соглася,
Воспѣль . . . ;

далѣе ему, по его словамъ, представилось видѣніе, которое онъ въ одѣ и описываетъ, послѣ того, какъ «токомъ слезнымъ орошенный пришелъ въ себя», — очевидно, онъ даетъ основаніе объяснять это видѣніе какъ сонъ; это не помѣшало ему, однако, переходъ отъ состоянія бодрствованія ко сну изобразить такъ:

. незачно
Мое все зданье потряслось,
Раздиглись стѣны и стократно
Ярчѣе молній пролилося
Сіянье вкругъ меня небесно,
Сокрылась, поблѣднѣвъ, луна.
Видѣніе я узрѣль чудесно:
Сошла со облаковъ жена . . .

Но развѣ способны усыпить человѣка представившіеся ему удары грома, яркій свѣтъ, сотрясеніе зданія? скорѣе они должны пробудить его въ тревогѣ. Невольно вспоминается, какъ изобразилъ Гете явленіе ему милаго образа Евфросинѣ: едва онъ, послѣ утомительного пути нашелъ пріютъ въ «бѣдной избушкѣ пастушьей» и едва успѣлъ возвѣтъ:

Скорѣе, сонъ благодатный, слети,
Принеси мнѣ покой и забвенье,

или описанное имъ же, въ «Посвященіи», явленіе ему «жены», когда онъ въ горы шелъ, а туманъ клубился предразсвѣтнымъ движеніемъ, и вдругъ прорвавшіеся透过 него лучи восходящаго солнца заставили поэта на мигъ закрыть глаза . . .

Много такого, внутренне неправдиваго, въ «Изображеніи Фелицы», самомъ большомъ, по размѣрамъ, лирическомъ произведеніи Державина

(1789; I, 190 — 202, 202 — 215). Но началу можно ожидать, что рѣчь пойдетъ о какомъ нибудь одномъ изображеніи императрицы; но, оказывается, поэтъ желаетъ видѣть ихъ иѣсколько. Обращаясь все время къ Рафаэлю, онъ просить его написать Фелицу и такъ, чтобы можно было видѣть ея «поступ — тиху, важну, благородну», и Ѹдущею на конѣ, который бы подъ нею «главой крутиль и бурно броды орошаль», и подающею людямъ «скрижалъ заповѣдей святыхъ», и въ такомъ видѣ, который показывалъ бы, что, когда она изъявила свою волю, то

Хаось на сферы раздѣлился
Ея рукой,
(И) солнцы въ путь свой покатились
И тысячи вкругъ нихъ иланеть,
Изъ праха грады возносились,
Возстали царства, и бысть свѣтъ —

какія чисто риторическія, а вовсе не поэтическія, преувеличенія и крайности! Державинъ ставитъ художнику и такую задачу:

Изобрази и то въ картинѣ,
Чтобъ сей подобный грому, кликъ (народа)
Въ безмѣрной времени долинѣ,
Какъ будто бы катясь, затихъ,

а также, чтобы «благодарныя чувства» являли «пламень сердецъ» у людей, восклицающихъ

«Мы зримъ въ Фелицѣ
Твое подобіе, Творецъ!

Нѣть надобности удлиннять перечисленіе такихъ совершенно нехудожественныхъ и противныхъ логикъ заданій, которыя портятъ эту оду, заключающую и иѣсколько превосходныхъ мѣсть, какова, напр., слѣдующая молитва Фелицы предъ бюстомъ Зороастра, подъ именемъ котораго разумѣется Петръ Великій:

О Ты, Предвѣчный,
Который волею своей

Колеса движенья быстротечны
 Крутящейся природы сей!
 Когда Ты еесь душа едина
 Движенъя сихъ огромныхъ тѣль,
 То Ты-жъ, конечно, и причина
 И нравственныхъ народныхъ дѣлъ.
 Тобою царства возрастаютъ,
 Твое орудіе цари,
 Тобой они и номерцаютъ,
 Какъ блескъ вечернія зари.
 Наставь меня, міровъ Содѣтель,
 Да, волѣ слѣдя Твоей,
 Тебя люблю и добродѣтель
 И зижду счастіе людей;
 Да вѣкъ мой на дѣла полезны
 И славу ихъ я посвящу,
 Самодержавья скінтръ желѣзный
 Моеи щедротой позлащу.
 Да, удостоена любови,
 Надзрѣнія Твоихъ очесъ,
 Чтобъ я за кажду каплю крови,
 Чтобъ я за кажду каплю слезъ,
 Народа моего иролитыхъ,
 Тебѣ отвѣтствовать могла
 И чувствъ души моей сокрытыхъ
 Тебя свидѣтелемъ звал!

Стоить упомянуть, что двѣ строки о «желѣзномъ скінтрѣ самодѣржавія» не разрѣшено было въ 1798 г. повторить въ новомъ изданіи, а предложено было Державину отъ имени императора Павла, чтобы онъ «по извѣстному его въ сочиненіи стиховъ искусству» перемѣнилъ бы эти строки; къ чести своей, Державинъ не пожелалъ ихъ измѣнять, и на мѣсть ихъ поставлены были точки¹.

¹ Въ одномъ изъ примѣчаній къ этой одѣ Гроѣ говоритъ, что въ характеристики Рафаэля «всего замѣчательнѣе второй стихъ „Творецъ искусствомъ

Цѣлый рядъ неизящныхъ, неестественныхъ и неправдивыхъ образовъ встрѣчается въ стихотвореніи Державина «Утро» — и если Карамзинъ весьма высоко цѣнилъ эту вещь, то, конечно, лишь потому, что она представлялась все таки выдающеюся среди множества другихъ, совершенно ужъ слабыхъ стихотвореній, появлявшихся тогда, и тѣмъ, что тогда никто еще и не мечталъ, до какой простоты и красоты будутъ доведены русскіе стихи — всего болѣе, тѣмъ геніальнымъ поэтомъ, который въ годъ написанія «Утра» — 1800 г., — лежалъ еще въ колыбели. Начинается это «Утро» (1800, II, 200) красивыми стихами:

Огнестый Сиріусъ сверкающія стрѣлы
Металь еще съ небесъ въ подлунные предѣлы;

затѣмъ слѣдуетъ такая картина

Лежала на холмахъ вкругъ нощь и тишина.
Вселенная была безмолвія полна,
А только вѣтровъ свистъ, лѣсовъ листы шептали,

естества». Здѣсь выражается весьма вѣрное эстетическое понятіе: этотъ стихъ показываетъ, что Державинъ считалъ художника не подражателемъ природѣ, а воспроизводителемъ ея, понятіе, до которого умѣли возвыситься немногіе только писатели XVIII в.» (I, 203). Напрасно ищетъ Гротъ въ словахъ Державина выраженіе его взгляда на такой отвлеченный и тонкій вопросъ; навѣрно, Державинъ надѣ нимъ вовсе не задумывался; въ тогдашнемъ образованномъ русскомъ обществѣ вопросами искусства, можно сказать, совсѣмъ не интересовались, а программы, предлагаемыя Державинымъ въ этой самой одѣ, дѣлаютъ совершенно несомнѣннымъ, что въ этомъ отношеніи Державинъ никакъ не стоялъ выше своихъ современниковъ.

Въ другомъ примѣчаніи Гротъ, повторивъ стихи:

Представь миѣ, въ мысли восхищенной,
Сходила бы съ небесъ она;
Какъ солнце грудь, въ ткани зеленої,
Рукой метала сѣмена» (I, 198)

говоритьъ: «Эти два стиха неясны; между тѣмъ они именно такъ печатались при жизни Державина и согласны съ рукописями... Кажется, смыслъ... (ихъ такъ: чтобы она, имѣя грудь, сияющую какъ солнце, и покрытую зеленою тканью, рукой метала сѣмена» (I, 209). Нѣть никакого сомнѣнія, что въ данномъ случаѣ все дѣло въ неустановленности еще тогда правиль размѣщенія знаковъ препинанія; смыслъ совершенно ясенъ, если только напечатать:

«Сходила бы съ небесъ она
Какъ солнце; грудь въ ткани зеленої» и т. д.

Шумъ бьющихъ въ камни волиъ, со скаль потоковъ ревъ,
И изрѣдка вдали рычащій левъ
Молчанье прерывали —

но хороши же «безмолвіе и тишина»! Далѣе, выводится мудрецъ, кото-
рый съ первыми лучами солнца

Возсѣль на мшистый пень подъ дубомъ многолѣтнимъ
И внизъ изъ-подъ вѣтвей пустилъ свой взоръ¹
На море, на луга, на сини цѣпи горъ,

и созерцаешь картины природы просыпающейся; но эти картины, во-
первыхъ, таковы, что съ одного пункта видѣть ихъ невозможно, во-вто-
рыхъ, и написаны иногда совершенно нехудожественно, напр.:

Тамъ съ шумомъ вержетъ китъ на воздухъ водъ стремленье,
Тамъ челнъ на парусахъ бѣжитъ средь водныхъ нѣдръ,
Тамъ, выплыvъ изъ пучины,
Играютъ, рѣзвятся дельфины,
И рыбъ стада сверкаютъ чешуей,
И блещутъ чуды чрева бѣлизной;
А тамъ — среди деревъ гора переступаетъ:
Подъемлетъ хоботъ слонъ и съ древъ плоды снимаетъ;
Здѣсь вмѣстѣ два холма срослись
И на верблюдѣ поднялись;
Здѣсь кроликъ подъ кустомъ лежитъ,
Глазами красными блеститъ.

Есть у Державина и еще одно стихотвореніе, правда, переводное, которое сплошь натянуто, напыщено — именно «Цѣленіе Саула» (1809; III, 9 — 23). Державинъ тутъ близко подражалъ англій-
скому поэту Броуну (1715 — 1766), который написалъ эту оду съ дидактическою, такъ сказать, цѣлью: она составляетъ часть его

¹ Въ стихотвореніи 1811 г., «Срѣтеніе Орфеемъ солнца» Державинъ ска-
залъ (III, 61) въ такомъ же родѣ:

«Очи летятъ на красы».

«Изслѣдованія о происхожденіи, связи и могуществѣ поэзіи и музыки» и должна изображать, какъ пѣніе Давида исцѣляло болѣнную душу Саула; но задача эта разрѣшена весьма неудовлетворительно: нѣтъ нималѣйшей психологической правды ни въ томъ, какое дѣйствіе приписывается тому или другому пѣснопѣнію Давида, которыхъ чуть не десятокъ, ни въ изображеніи самого душевнаго состоянія Саула подъ ихъ вліяніемъ. Только отсутствіемъ у Державина тонкаго художественнаго вкуса и можетъ быть объясненъ выборъ такого оригинала, а по своему исполненію и переводу этотъ является яснымъ свидѣтельствомъ значительнаго упадка у Державина къ этому времени и поэтической силы.

Наконецъ, нѣсколько стихотвореній посвящены Державинымъ совершенно непоэтическимъ темамъ, и этотъ коренной порокъ естественно повелъ къ тому, что они вышли тоже совсѣмъ не поэтичны, — таковы, напр., «Павлинъ», «Радуга», «Фонарь». «Павлинъ» (1795; I, 480) представляетъ собою просто переложеніе въ стихотворную форму описанія этой рѣдкой въ древности птицы, сдѣланнаго Плініемъ и переведеннаго въ «Реторикѣ» Ломоносова; толкованіе, что это сатира на ген.-губ. Тутолмина, является большою натяжкою, да невыгодно и для самого Державина: какъ сатира эта вещь уже совершенно ничтожна. «Радуга» (1806; II, 380) начинается картиною этого небеснаго явленія, нарисованною, для Державина, очень слабо; затѣмъ поэтъ взываетъ къ Апеллесу, чтобы онъ изобразилъ радугу, но тутъ же самъ говоритъ, что такая задача не по силамъ даже Апеллесу, и заключаетъ это стихотвореніе — трудно сказать, призывомъ или просто сужденіемъ, — что надо воспѣвать Бога, Творца. Слѣдующія двѣ строфы — одна изъ середины, другая и предпослѣдняя изъ десяти — дадутъ понятіе о виѣшней формѣ этой пьесы:

О, Апеллесь! взявши орудіе,
Кисти твои, дерзкой рукой,
Съ разныхъ цвѣтовъ въ мигъ полукружье
Сдѣлай, составь твердой чертой,
Составь, и сзови зрѣть Аѳину
Картины.

Бога воспой — смѣлымъ нарецьемъ
 Чистаго внутрь сердца взноси
 Духъ твой къ Нему утреннимъ пѣньемъ,
 Чтобы Творецъ, внявъ съ небеси,
 Вліяль чувствъ моихъ въ глубину
 Тишину.

Наконецъ, въ стихотвореніи «Фонарь», написанномъ въ 1804 г. (II, 292), Державинъ, старикъ, прославленный поэтъ, сенаторъ, не затруднился избрать темою просто представлѣніе съ волшебнымъ фонаремъ.

Гремитъ органъ на стогнѣ трубный,
 Произаетъ иощь и тишипу;
 Очаровательный огнь, чудный
 Малютъ на стѣнѣ луну, —

т. е., просто на просто, на стѣнѣ или на экранѣ, является круглое свѣтлое поле, — такъ начинается стихотвореніе; далѣе описываются восемь смѣняющихся на экранѣ картинъ; описание каждой заканчивается повтореніемъ трехъ одинаковыхъ строкъ. Картины эти таковы: левъ бросается на ягненка; въ морѣ появляется «усатый, тучный рыбий князь, осетръ», а рядомъ

. ужасный звѣрь вспыхиваетъ
 Къ нему изъ безднѣ,
 Стремить въ свои водѣ рѣки трубы
 И, какъ серпы, занесъ ужъ зубы . . .

Исчезнъ! Исчезъ.

Явись!

И бысть.

Новая картина: орелъ подъ облаками нападаетъ на лебедя,
 Клюетъ, терзаетъ, бьетъ крылами
 И пухъ летить, какъ снѣгъ полями.

Потомъ смѣняются такія картины: зданіе вспыхиваетъ отъ искръ

пролетающего метеора (?!), корабль разбивается о подводный камень, поле волнуется сплошью рожью, смерть заносить свою ужасную косу надъ невѣстой, «отважный, дерзкій вождь счастливый» простираеть руку къ коронѣ, но «Исчезнъ! Исчезъ». Заканчивается «Фонарь» очень не оригинальными, а самыми мелкими разсужденіями на тему:

Не обаятельный-ль, волшебный,
Магическій сей міръ фонарь?

IV.

Если представляется возможность наблюдать, какъ разработаны одни и тѣ же сюжеты или нарисованы подобныя картины у писателей современниковъ или близкихъ другъ къ другу по времени, особенно, когда несомнѣнно, что писатель, дѣйствовавшій позже, не былъ простымъ подражателемъ, то это прекрасный случай подмѣтить индивидуальные черты разныхъ писателей, и видѣть, какіе идеи и образы особенно привлекали людей извѣстной эпохи. У писателей, слѣдовавшихъ за Державинымъ, можно указать нѣсколько такихъ мѣстъ, въ которыхъ они съ Державинымъ значительно сближаются.

Что въ «Горѣ отъ ума» стихъ «И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ» — есть стихъ Державина (*«Арфа»*), что эпиграфъ къ пушкинской *«Осени»* — «Чего въ мой дремлющій тогда не входить умъ», и строчка въ шуточномъ посланіи Пушкина къ Катенину — «Не пью, любезный мой сосѣдъ» — тоже Державинскіе (*«Евгенію»*. 1807; I, 409; *«Философы пьяный и трезвый»*, 1789; I, 185), это давно указано. Но относительно Пушкина должно значительно пополнить списокъ такихъ дословныхъ повтореній и присоединить много указаній такихъ случаевъ, гдѣ Пушкинъ самостоятельно перерабатывалъ то, что раньше было уже сказано Державинымъ¹⁾.

¹⁾ Слѣдить за всѣми подобными совпаденіями у другихъ поэтовъ я не стану, но какъ примѣръ противуположный, можно указать, что въ книгѣ «Виргилиевы Георгики», переводѣ Раича, весьма внимательно разсмотрѣнномъ Россійскою Академіею въ 1821 г. (Сухомлиновъ, Исторія Росс. Акад., т. VIII, 247—263), оказался стихъ, «Чешуйчатымъ хвостомъ песокъ перегребая», тоже Державинскій, что осталось не отмѣченнымъ.

Вторая строчка въ стихотвореніи Пушкина —

Если жизнь тебя обманетъ,
Не печалься, не сердись,

и пятая изъ стихотворенія «Жиль на свѣтѣ рыцарь бѣдный», именно, упоминаніе, что онъ имѣлъ видѣніе

«Непостижное уму»,

есть уже у Державина, первая — въ стихотвореніи «Утѣшеніе добрымъ» (1804; II, 319), вторая — въ стихотвореніи «Хариты» (1796; I, 495).

Строки въ поэмѣ «Пиръ въ время чумы»:

Есть упоеніе въ бою
И бездны мрачной на краю,
И въ разъяренномъ океанѣ
Средь грозныхъ волнъ и бурной тьмы,
И въ аравійскомъ ураганѣ,
И въ дуновеніи чумы.
Все, все, что гибелью грозить,
Для сердца смертнаго таитъ
Неизѣяснимы наслажденья,
Безсмертья, можетъ быть, залогъ —

конечно, надо сопоставить со слѣдующимъ мѣстомъ въ Державинской одѣ «На смерть кн. Мещерскаго» (1779; I, 54):

Скользимъ мы бездны на краю,
Въ которую стремглавъ свалимся,
На то, чтобы умереть, родимся.
Не мнить лишь смертный умирать
И быть себя онъ вѣчнымъ чаеть:

тутъ и тамъ мысль объ опасности, вызывающая представленіе объ угрожающей смерти, приводить къ мысли о безсмертіи, но Державинъ лишь удивляется, что опасность не всегда заставляетъ человѣка думать о смерти, а Пушкинъ въ безтрепетномъ упоеніи предъ опасностью видѣть смутное предчувствіе души, что она безсмертна.

Есть у Пушкина и у Державина сходство въ мысляхъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми оттѣнками различія и въ слѣдующихъ случаяхъ: Державинъ говорить:

. . . . природа въ насъ влила
Съ душой и отвращенье къ злобѣ,
Любовь къ добру и сущимъ въ гробѣ
(«Мой истуканъ», I, 423),

а Пушкинъ:

Два чувства равно близки намъ,
Въ нихъ почертаетъ сердце пищу:
Любовь къ отеческимъ гробамъ,
Любовь къ родному пепелищу;

слова въ Пушкинской «Сценѣ изъ Фауста»

Такъ на продажную красу,
Насытясь ею торопливо,
Развратъ косится боязливо, —

напоминаютъ слѣдующее мѣсто изъ Державинской оды «Безсмертіе души» (1797; II, 5):

Отколѣ чувствъ по насыщеньи
Объемлетъ душу пустота?
Не оттого-ль, что наслажденье
Для неї благъ здѣшнихъ суeta,
Что есть другой для насъ міръ краше,
Есть вѣчныхъ радостей чертогъ?

Мысль о разныхъ возрастахъ человѣка и о свойственныхъ каждому различіяхъ въ отношеніи къ окружающему, Державинъ въ стихотвореніи «Четыре возраста» (1805; II, 349) выразилъ такъ:

Сколь счастливъ, кто въ жизни
Всѣ возрасты вѣлъ,
Страшась укоризны
Внутрь совѣсти золъ!

На западъ свой ясный
Онъ весело зритъ, —

всѣмъ извѣстны Пушкинскія строки:

Блаженъ, кто съ молоду былъ молодъ,
Блаженъ, кто во время созрѣль,
Кто постепенно жизни холодъ
Съ лѣтами вытерпѣть умѣль.

Есть, конечно иѣчто общее и въ воспоминаніяхъ обоихъ поэтовъ о прошедшой уже юности: у Державина («На смерть кн. Мещерскаго», 1779; I, 55):

Какъ сонъ, какъ сладкая мечта
Исчезла и моя ужъ младость :
Не сильно иѣжить красота,
Не столько восхищаетъ радость,
Не столько легкомысленъ умъ,
Не столько я благополученъ,
Желаніемъ честей размученъ,
Зоветъ, я слышу, славы шумъ, —

у Пушкина:

Лѣта къ суровой прозѣ клонять . . .
Позналъ я гласъ иныхъ желаній,
Позналъ я новую печаль . . .

Стихотвореніе Державина «Призываніе и явленіе Плѣниры» (1794; I, 407), написанное вскорѣ послѣ смерти его первой жены, начинается такъ:

Приди ко мнѣ, Плѣнира,
Въ блистаніи луны,
Въ дыханіи эаира,
Во мракѣ тишины !
Приди въ подобии тѣни,
Въ мечтахъ, иль въ легкомъ снѣ, — и т. д.

у Пушкина «Заклинаніе» начинается такими словами:

О, если правда, что въ ночи,
 Когда покоятся живые,
 И съ неба лунные лучи
 Скользять на камни гробовые,
 О, если правда, что тогда
 Пустѣютъ тихія могилы, —
 Я тѣнь зову, я жду Леилы!
 Явись, возлюбленная тѣнь,
 Какъ ты была передъ разлукой, —

имѣть ли Пушкинъ въ виду Державинское стихотвореніе, или совпаденіе тутъ случайно, сходство во всякомъ случаѣ интересно.

Есть и еще образы и картины, общіе обоимъ поэтамъ — и всегда ясно выдѣгается и большая красота Пушкинскихъ образовъ, и сила и музыкальность Пушкинского языка. Державинъ, напр., вспоминаетъ («Прогулка въ Царскомъ Селѣ, 1791; I, 301) что онъ

Въ прекрасный майскій день . . .
 . . . При гласѣ лебедей,

катался съ женою въ лодкѣ; Пушкинъ говоритъ:

Весной, при кликахъ лебединыхъ,
 Являться муга стала мнѣ, —

почти одни и тѣ же слова, картина та же, но насколько она у Пушкина и поэтичнѣе, и красивѣе!

Державинъ описываетъ наступленіе зимы такъ («Осень во время осады Очакова», 1788; I, 157):

Борей на Осень хмурить брови
 И Зиму съ сѣвера зоветъ.
 Идетъ сѣдая чародѣйка,
 Косматымъ машетъ рукавомъ,
 И снѣгъ, и мразъ, и иней сыплеть
 И воды претворять въ льды.

Отъ хладнаго ея дыханья
Природы взоръ оцѣпенѣлъ.
На мѣсто радугъ испещреныхъ
Виситъ по небу мгла вокругъ,
А на коврахъ полей зеленыхъ
Лежить разсыпанъ бѣлый пухъ.

Пушкинъ рисуетъ такую картину

. . . . И вотъ сама
Идѣть волшебница зима.
Пришла, разсыпалась, клоками
Повисла на сухахъ деревъ,
Легла волнистыми коврами
Среди полей, вокругъ холмовъ,
Брега съ недвижною рѣкою
Сравняла пухлой пеленою
Блеснуль морозъ . . .

Двѣ строки въ стихотвореніи Державина «На рожденіе Гремиславы» (1796; I, 491):

Какіе разные народы,
Языкъ, одежда, лица, станъ!,

конечно, напоминаютъ Пушкинскія:

Какая смѣсь одеждъ и лицъ,
Племенъ, нарѣчій, состояній!

Въ стихотвореніи на смерть вел. кн. Александры Павловны («Эродій надъ гробомъ праведницы», 1806; II, 368), у Державина есть выраженіе «Сотрясшій (въ смыслѣ «отрясшій») тѣна суеты» — у Пушкина, конечно, лучше, и логичнѣе, и красивѣе

Твоимъ огнемъ душа палима
Отвергла тѣнъ земныхъ суетъ.

Изыщная, истинно классическая картинка Пушкина:

Взгляни на милую, когда свое чело
Она предъ зеркаломъ цвѣтами украшаетъ,
Играеть локономъ, и вѣрное стекло
Улыбку, хитрый взоръ и гордость отражаетъ, —

есть краткое и несравненно болѣе совершенное, если только не абсолютно совершенное, выраженіе того же, что хотѣлъ нарисовать Державинъ, говоря («Любушкъ», 1802; II, 275):

Не хочу я быть Протеемъ,
Чтобы оборотнемъ стать,
Невидимкой или змѣемъ
Въ теремъ къ дѣвушкамъ летать;
Но желалъ бы я тихонько
Безъ огласки отъ людей
Зеркаломъ въ уборной только
Быть у Любушки моей:
Чтобъ она съ умильнымъ взоромъ
Обращалася ко мнѣ.
Или-бѣ, сдѣлавшись водою,
Я ей тѣло омывалъ,

и такъ далѣе, еще 10 строкъ. Писалъ ли Пушкинъ въ данномъ случаѣ самостоятельно, или былъ на эту тему наведенъ Державинымъ, или, наконецъ, оба поэта остановились на темѣ, уже ранѣе кѣмъ нибудь намѣченной, — все равно, сравненіе двухъ картинъ одинаково любопытно.

Есть у Державина иѣчто, напоминающее даже письмо Татьяны. Тутъ не можетъ быть никакой рѣчи о той или другой степени зависимости чуднаго Пушкинского отрывка отъ этого произведенія Державина: оно оставалось ненапечатаннымъ до 70-хъ годовъ XIX в.; здѣсь можно, поэтому, только лишній разъ выразить удивленіе, какъ прекрасно умѣль Пушкинъ раскрывать движенія души, да сказать въ великую похвалу таланту Державина, что онъ коснулся тѣхъ же струнъ, которыя потомъ такъ дивно зазвучали подъ перстами Пушкина. Но чтѣ раньше привести,

стихи Пушкина или Державина? кончить ли лучшимъ, или сначала сказать то, что почти неудержимо изливалось изъ подъ пера влюбленной дѣвушки? Татьяна писала:

Вся жизнь моя была залогомъ
 Свиданья вѣрнаго съ тобой.
 Я знаю, ты мнѣ посланъ Богомъ,
 До гроба ты хранитель мой....
 Ты въ сновидѣньяхъ мнѣ являлся,
 Незримый ты мнѣ былъ ужъ милъ,
 Твой чудный взглядъ меня томилъ,
 Въ душѣ твой голосъ раздавался
 Давно... Нѣтъ, это былъ не сонъ!
 Ты чуть вошелъ, я вмигъ узнала,
 Вся обомлѣла, запылала
 И въ мысляхъ молвила: «вотъ онъ»!
 Не правда-ль, я тебя слыхала,
 Ты говорилъ со мной въ тиши,
 Когда я бѣднымъ помогала
 Или молитвой услаждала
 Тоску волнуемой души?

Рядомъ съ этой благоуханной поэзіей чуть не виршами покажутся слѣдующіе стихи Державина («Письмо къ супругу», 1779; II, 261), но общее по содержанію въ нихъ есть:

Не съ самыхъ ли тѣхъ поръ, какъ я узнала свѣтъ,
 Не съ самыхъ ли пелень, со дня какъ я родилась,
 Въ супруги я тебѣ судьбой опредѣлилась?
 Конечно, это такъ! Едва я стала жить,
 Ужъ мнѣ назначено тебя было любить....
 ... Ужъ иѣкій тайный гласъ въ груди моей вѣщалъ,
 Любовникомъ тебя, супругомъ называлъ!
 Не знала я тебя, но я тебя искала,
 Не зрея я тебя, но зреТЬ тебя желала....

Особенно интересный материал для подобного рода сравнения представляет известная, можно сказать классическая шутка Пушкина

Лукъ звенить, стрѣла трепещетъ,
И клубясь издохъ Пионъ,
И твой ликъ побѣдой блещетъ,
Бельведерскій Аполлонъ.

Есть извѣстіе, что Пушкинъ сказалъ это экспромитомъ, съ присоединениемъ еще куплета:

Кто-жъ вступился за дракона,
Кто разбиль твой истуканъ?
Ты, соперникъ Аполлона,
Бельведерскій Митрофанъ!,

когда у одного изъ ихъ общихъ знакомыхъ Андрей Ник. Муравьевъ разбилъ нечаянно статуетку Аполлона Бельведерскаго. Возможно, что послѣдній куплетъ и вымылся у Пушкина экспромитомъ, но нача́ло, вѣро-ятно, уже ранѣе предносилось въ его воображеніи: едва ли онъ не зналъ, что Державинъ уже дважды обращался къ этой картинѣ; и вотъ, что написалъ Державинъ по такому поводу, по которому Пушкинъ все, чтò нужно, сказалъ въ блестящемъ четверостишии. Въ одѣ «Любителю худо-жествъ» (1791; I, 255) Державинъ говорилъ:

Я вижу, вижу Аполлона
Въ тотъ мигъ, какъ онъ сразилъ Тифона (sic)
Божественной своей стрѣлой.
Зубчата молнія сверкаетъ,
Звенитъ въ рукѣ священный лукъ,

Ужасная змѣя зіаетъ
 И въ мигъ свой испускаетъ духъ,
 Чешуйчатымъ хвостомъ песокъ перегребая
 И черну кровь ручьемъ изъ раны испуская.
 Я зрю сіе, и въ мигъ себѣ представить могъ,
 Что такъ невѣжество сражаетъ свѣта богъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ, престарѣлый поэтъ опять обратился къ той же картинѣ и въ стихотвореніи «Походъ Озирида» (1805, II, 358) нарисовалъ её — на этотъ разъ болѣе ухищренно:

Или то Фивъ (sic) лучезарный,
 Милый богъ свѣта идетъ?
 Стрѣль за спиной быстропарный
 Тулъ онъ гремящихъ несетъ.
 Двурожецъ въ рукахъ,
 Огнь быстрый въ очахъ,
 Гнѣвъ на челѣ,
 Ищетъ Тифона онъ страшнаго въ мглѣ,
 Видитъ — и въ мигъ напрягаетъ
 Вервью кленову стрѣлу,
 Вержетъ — и рогъ содрагаетъ,
 Воетъ стрѣла — и въ мглу
 Лучъ улетаетъ,
 Свищетъ, сверкаетъ,
 Съ трескомъ разитъ
 Грудь остріемъ, сталь чешуйна звенить,
 Кровь по хрупчату
 Вьется песку;
 Злобу зубату,
 Адску тоску
 Льетъ князь тьмы зѣвомъ,
 Крылья и хвостъ
 Бьетъ, и пыль съ ревомъ
 Когтыми деретъ;

Ядъ потаенно
Блещеть, шипить,
Фивъ зритъ презрѣнио,
Лукъ лишь гремитъ.

Эти сопоставленія мелки, если брать ихъ каждое отдельно; но взятыя вмѣстѣ, они очень ясно показываютъ, какое блестящее развитіе получилъ русскій языкъ, какой высоты достигла русская поэзія благодаря многимъ высокоталантливымъ писателямъ, и особенно такому генію, какъ Пушкинъ. Въ сіяніи этого великаго поэта совершенно померкла слава Державина, столь гремѣвшая прежде; но самъ Пушкинъ Державина очень цѣнилъ и почиталъ. Онъ съ теплымъ чувствомъ вспоминалъ:

И славный старецъ нашъ царей пѣвецъ избранный,
Крылатымъ генiemъ и музами вѣнчанный,
Въ слезахъ обняль меня дрожащею рукой
И счастье мнѣ предрекъ незнаемое мной;

онъ гордился, что его, юношу, «старикъ Державинъ» замѣтилъ «и въ гробъ сходя благословилъ»; не надо, поэтому, забывать и того, что Пушкинъ во многихъ случаяхъ не счелъ ниже своего достоинства коснуться тѣхъ же темъ и картинъ, какихъ касался до него Державинъ¹.

V.

Условія, въ какихъ стоялъ Державинъ и какъ поэтъ, и какъ общественный дѣятель, способствовали тому, что въ немъ развилось некоторое самомнѣніе, что онъ переоцѣнивалъ себя и какъ писателя, и какъ человѣка: онъ не стѣсняясь высказывалъ, что признаетъ за многими своими произведеніями исключительное значеніе, подчеркивалъ, что исполнились его «пророчества» относительно императора Александра и относительно Наполеона, онъ, наконецъ, говорилъ о себѣ, какъ о чело-

¹ Указаніе подобныхъ совпаденій Пушкинскихъ произведеній со стихотвореніемъ Карамзина, тоже всегда съ выгодою для Пушкина, сдѣлано мною въ статьѣ: «О стихотвореніяхъ Карамзина», напечатанной въ «Старинѣ и новизнѣ» за 1917 г.

вѣкѣ исключительно честномъ, правдивомъ и нелицепріятномъ, хотя и въ его «Запискахъ» и въ его произведеніяхъ нетрудно замѣтить многое такое, что о нелицепріятности не свидѣтельствуетъ. Но, дѣйствительно, Державинъ не только обладалъ крупнымъ, хотя необработаннымъ и нѣсколько даже грубымъ, или по крайней мѣрѣ угловатымъ, талантомъ, онъ и какъ личность представлялъ собою явленіе во всякомъ случаѣ — не бanaльное; какой то особый «образъ былъ на немъ означенъ», въ жизни его были моменты и эпизоды, подобные которымъ могутъ быть указаны въ бiографiи лишь немногихъ.

По семейнымъ преданіямъ первое слово, которое онъ сказалъ въ младенчествѣ, подъ впечатлѣніемъ вида блестящей кометы, было слово «Богъ», — и онъ заслуженно прославился одою «Богъ»; стихотворенія иногда слагались въ его головѣ во время сна: одно изъ нихъ онъ прямо и записалъ, какъ только проснулся, другое написалъ непосредственно подъ впечатлѣніемъ сновидѣнія; самую оду «Богъ» онъ составилъ, находясь въ состояніи какого то экстаза: проснувшись внезапно изъ глубокаго сна, онъ увидѣлъ, казалось ему, кругомъ себя какое то сіяніе, — онъ кинулся къ столу и докончилъ недописаную оду, обливаясь слезами, такъ что послѣднія строки ея вѣрно изображаютъ состояніе, въ которомъ поэтъ её оканчивалъ («Объясненія», III, 476, 599, 600). А какихъ событий былъ онъ свидѣтелемъ, на какие эпизоды привелось ему отзываться: двѣ войны, потрясшія до основанія Оттоманскую Имперію, взятие Варшавы, переходъ черезъ Альпы, Отечественная война, взятие Парижа — какому лирику представлялись сюжеты болѣе грандіозные?!

Полно значенія было и одно изъ послѣднихъ появлений Державина въ публикѣ, на выпускномъ экзаменѣ въ Лицѣ, гдѣ Пушкинъ читалъ предъ нимъ свои «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ». Это была воплощенная въ лицахъ встрѣча славнаго прошлаго съ великимъ грядущимъ. Старецъ, признанный первый писатель своего времени,увѣнчанный и литературною славою и высокими общественными почестями, слушалъ геніального юношу, который читалъ предъ нимъ свои прекрасные стихи на ту же тему, какой и онъ коснулся въ своемъ послѣднемъ значительномъ произведеніи. Творецъ оды «Богъ» и «Водопада» не могъ не понять, что предъ нимъ настоящее свѣтило, тотъ, кто «ударить по сердцамъ съ невѣ-

домою силой» и останется славенъ, «доколь въ подлунномъ мірѣ живъ будеть хоть одинъ піить». За два года предъ тѣмъ Державинъ такими словами заключилъ свой «Гимнъ лиро - эпической»:

Но, солнце, мой вечерній лучъ!
 Уже за холмы синихъ тучъ
 Спускаешься ты въ темны бездны,
 Твой тускнетъ блескъ любезный
 Среди лиловыхъ мглистыхъ зарь,
 И мой ужъ погасаетъ жаръ;
 Холодна старость духъ, у лиры гласъ отъемлетъ,
 Екатерины муза дремлетъ,
 И юнаго царя,
 Днесъ вслѣдъ орловъ шаря,
 Предшествующихъ благъ видѣнья,
 Чѣмъ мною въ день его рожденія
 Предречено,— достойно пѣть
 Я не могу; младымъ пѣвцамъ гремѣть
 Мои ввѣряю ветхи струны,
 Да черплютъ съ нихъ въ свои сердца перуны
 Толь чистыхъ, ревностныхъ огней,
 Какъ пѣль я трехъ царей.

Въ тотъ моментъ, когда читалъ свои стихи Пушкинъ, въ умѣ восхищенаго лирика не должна ли была пронестись мысль, что тутъ и совершается передача славной лиры, что онъ видить своего преемника, и такого преемника, о какомъ едва ли смѣль онъ и мечтать? Старикъ былъ глубоко взволнованъ.... А юноша, съ неизъяснимымъ волненiemъ читавшій свои стихи предъ тѣмъ, при произнесеній чьего имени дрогнулъ его голосъ, предъ тѣмъ, кто былъ увѣнчанъ тою славою, о которой онъ мечталъ, которая ему уже улыбалась, и смутно предугадывавшій, какія таятся въ немъ силы,— чѣмъ долженъ былъ онъ чувствовать, видя, что «нашелъ созвучья своимъ созданьямъ» въ этомъ поэту? какія мысли проносились въ его геніальной головѣ, что свѣтилось въ его восторженныхъ очахъ, въ его оживленномъ взволнованномъ лицѣ?! Какой

моментъ! Какой сюжетъ для художника, который соединить высокое мастерство живописца съ глубокимъ пониманіемъ тонкихъ душевныхъ движений и съ достаточнымъ знаніемъ тогдашняго быта и житейскихъ отношеній!

Наконецъ, необычно было и разставаніе Державина со своей музой. Какъ иногда лампада предъ тѣмъ, чтобы совсѣмъ погаснуть, вспыхиваетъ болѣе яркимъ свѣтомъ, такъ предъ кончиною Державина вспыхнулъ въ послѣдній разъ его угасавшій подъ бременемъ лѣтъ талантъ. 74-плѣтнимъ старцемъ, на одрѣ болѣзни, съ котораго ему уже не суждено было подняться, менѣе чѣмъ за три дня до смерти, Державинъ написалъ — такъ дрожавшею рукою, что дальнѣе ничего уже невозможно было и разобрать, — слѣдующія восемь строкъ, которыхъ, конечно, не постыдился бы никакой поэтъ:

Рѣка временъ въ своемъ стремленьи
Уносить всѣ дѣла людей
И топить въ пронасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрезъ звуки лиры и трубы,
То вѣчности жерломъ пожрется
И общей не уйдетъ судьбы!

Борисоглѣбскъ.

29 XII 1918 г. — 3 XI 1919.

Н. Чечулинъ.